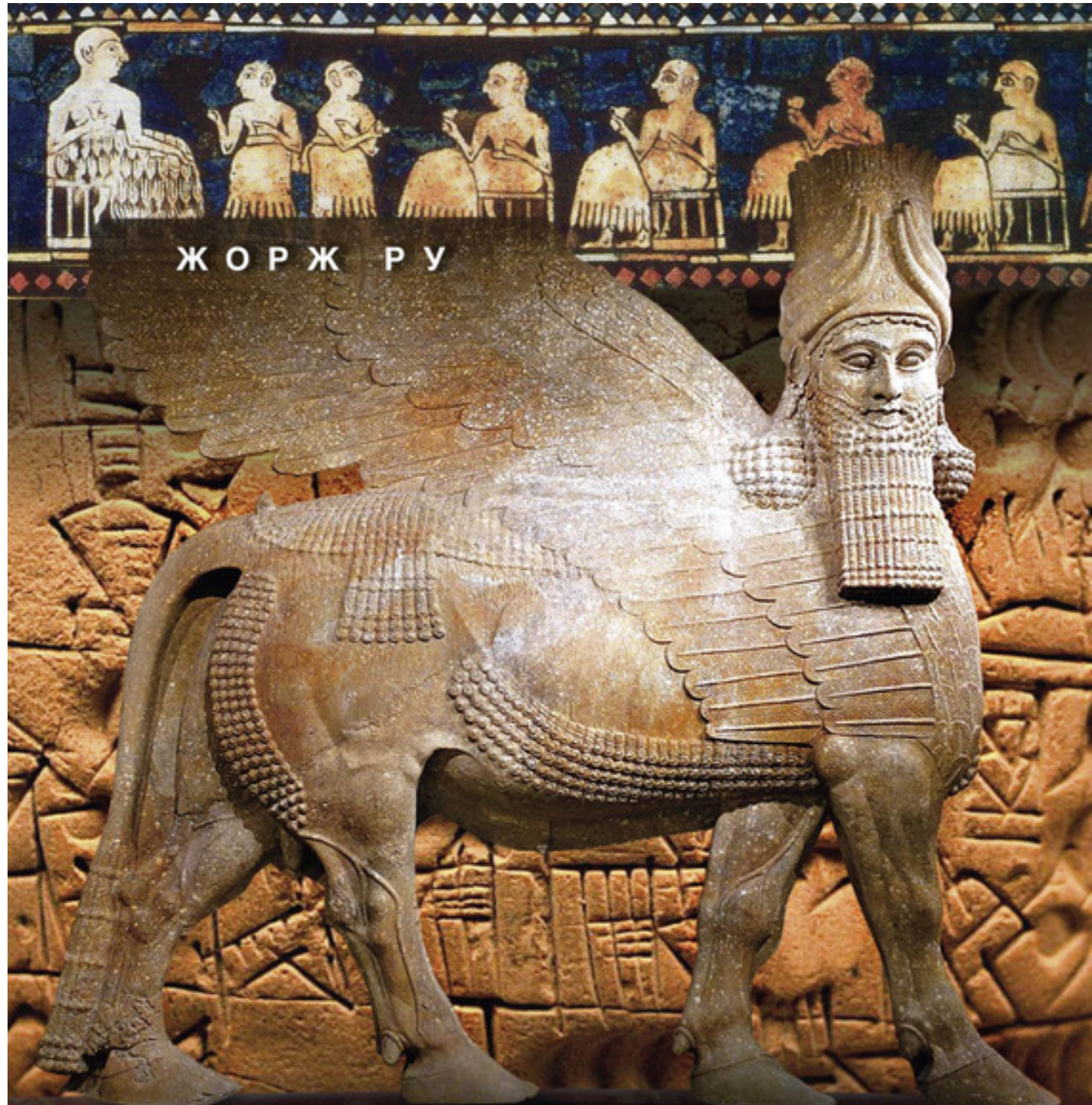

ЖОРЖ РУ

ВЕЛИКИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ МЕЖДУРЕЧЬЯ

ДРЕВНЯЯ МЕСОПОТАМИЯ:
ЦАРСТВА ШУМЕР, АККАД, ВАВИЛОНИЯ
И АССИРИЯ. 2700 — 100 гг. до н. э.

Жорж Ру

**Великие цивилизации
Междуречья. Древняя
Месопотамия: Царства
Шумер, Аккад, Вавилония и
Ассирия. 2700–100 гг. до н. э.**

«Центрполиграф»

УДК 94(35)
ББК 63.3(0)31

Ру Ж.

Великие цивилизации Междуречья. Древняя Месопотамия:
Царства Шумер, Аккад, Вавилония и Ассирия. 2700–100 гг.
до н. э. / Ж. Ру — «Центрполиграф»,

ISBN 978-5-9524-5212-1

Книга ассириолога Жоржа Ру охватывает политическую, культурную и экономическую историю трехтысячелетнего периода процветания региона, расположенного между Тигром и Евфратом и некогда называвшегося Месопотамией. Интерес к Древнему Ближнему Востоку и исследовательская работа автора позволили ему описать династии и религии каждой эпохи: искусство, науку и литературу шумеров, аккадцев, вавилонян и ассирийцев, погружая читателя в неизбежное очарование прошлого.

УДК 94(35)
ББК 63.3(0)31

ISBN 978-5-9524-5212-1

© Ру Ж.
© Центрполиграф

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	8
Глава 2	17
Глава 3	26
Глава 4	34
Глава 5	43
Глава 6	52
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Жорж Ру
Великие цивилизации Междуречья
Древняя Месопотамия: царства
Шумер, Аккад, Вавилония и
Ассирия. 2700–100 гг. до н. э

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2016

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2016

* * *

Предисловие

Целью создания этой книги послужила попытка заполнить весьма прискорбную лакуну. Долина Тигра и Евфрата, регион, который некогда называли Месопотамией и который в настоящее время по большей части входит в состав государства Ирак, представляет собой гармоничное, обладающее прекрасно очерченными географическими границами культурное и историческое пространство. В древности его обитатели – шумеры, аккадцы, вавилоняне и ассирийцы – были носителями одной великолепной цивилизации и играли ведущую роль в ближневосточной политике, искусстве, науке, философии, религии и литературе. На протяжении последних 150 лет на территории самого Ирака и в восточной части Сирии было проведено бесчисленное множество археологических экспедиций. Обнаружены впечатляющие памятники, и музейные коллекции пополнились произведениями искусства и глиняными табличками с выдавленными на них текстами, привезенными из погребенных под землей городов Месопотамии. Не менее значительные достижения были сделаны в сфере филологии – постепенно раскрывались тайны двух основных языков Месопотамии: шумерского и аккадского, благодаря чему были переведены и опубликованы десятки тысяч текстов. Количество книг и статей, посвященных тому или иному аспекту археологии, истории и цивилизации Древнего Междуречья и хранящихся в университетских библиотеках, значительно увеличивается. Однако отсутствовало общеисторическое сочинение по истории Месопотамии.

Нежелание профессионалов взяться за выполнение этой задачи вполне объяснимо. Для того чтобы тщательно и полностью изучить все аспекты цивилизации, корни которой уходят в доисторическую эпоху и которая существовала на протяжении более чем тридцати столетий, группа ученых должна полностью погрузиться в эту работу и заниматься только ею на протяжении нескольких лет, написав при этом целый ряд объемных монографий. Более того, так как каждое новое открытие меняет наши представления о прошлом, результат даже такого титанического труда через десятилетие может устареть.

Ассириологи и археологи, как правило, предпочитают пахать собственные поля. Те из этих исследователей, кто пишет для широкой аудитории, посвящают свои труды конкретным темам, с которыми они лучше всего знакомы. Эти работы нельзя недооценивать, но в то же время приходится признать, что они освещают лишь незначительные фрагменты огромной картины. Человеку, не обладающему профессиональными знаниями, как правило, сложно полностью оценить их по достоинству, так как он далеко не всегда способен поместить описанные в них места, памятники, события и идеи в соответствующий хронологический или культурный контекст.

Однако историки предпочитают совершенно иной подход. Издано немало монографий, посвященных широчайшей тематике – истории всей Западной Азии, Ближнего Востока, включая Египет, или вообще всего Древнего мира. Эти сочинения представляют собой неоценимые свидетельства эрудиции, в них достаточно и деталей, и перспективы. Однако многие относятся к тому типу, который характерен для галереи искусств, где шедевр теряется на фоне множества других произведений. Эти книги (не важно, насколько большое внимание в них уделено Месопотамии) не в состоянии отдать должное данной цивилизации, ее удивительной целостности и продолжительной истории.

Таким образом, данная работа является скромной попыткой заполнить лакуну, образовавшуюся между трудами двух этих типов – монографиями и энциклопедиями. Она представляет собой краткое, во многом неполное исследование политической, экономической и культурной истории Древней Месопотамии, начинающееся с рассказа о появлении в этом регионе первых следов присутствия человека в эпоху палеолита и заканчивающееся опи-

санием гибели шумеро-аккадской цивилизации на заре христианской эры. В дополнение к этому книга снабжена материалами, знакомящими читателя с географией и экологией Месопотамии, а также с техниками и результатами археологических исследований, проводившихся на территории этого региона.

Эта книга написана не для исследователей, а для всех, кто интересуется этой темой. По всему миру живет огромное (и постоянно увеличивающееся) число людей, ведущих совершенно разный образ жизни, но в то же время проявляющих значительный интерес к истории в целом и истории Древнего Востока в частности. Образованные и охваченные жадой знаний, они пока не сумели найти книгу, в которой была бы собрана вся необходимая им информация об этой местности, по вполне понятным причинам восхищающей их. Данная работа предназначена именно для таких людей. Я постарался сделать эту книгу настолько ясной, простой и легко читаемой, насколько это возможно, но в то же время было необходимо, чтобы сведения, содержащиеся в ней, были точными и соответствовали современному уровню развития науки. Нет надобности говорить, что выполнить эту задачу оказалось очень сложно. Написание труда, посвященного научным вопросам и предназначенного для людей, не являющихся профессионалами в этой области, подобно хождению по туго натянутому канату – все время боишься скатиться к педантизму или тривиальности, и я совершенно не уверен, что мне удалось сохранить баланс. Когда я занимался подбором материала, мне приходилось делать сложный, порой очень трудный выбор из всего многообразия имеющейся информации, но я старался избегать чрезмерных упрощений и догматизма.

В истории, особенно когда речь идет о Древнем мире, существует множество нерешенных проблем, и сделанный сегодня вывод завтра может оказаться неверным. Поэтому я взял на себя смелость более или менее подробно остановиться на наиболее спорных моментах, таких как происхождение шумеров, и почти на каждой странице подчеркивал, что наши знания имеют весьма условный характер. Я часто пытался соотнести исторические факты с предшествовавшими им событиями, географическими или экономическими условиями. Иными словами, я старался больше объяснять, чем описывать, так как считаю, что без подобных объяснений (причем не важно, насколько они гипотетические) история превратится в бессмысленный и весьма нудный набор дат и сведений. Наконец, я уделил искусству, литературе и религии больше внимания, чем авторы других работ подобного рода, и привел цитаты из максимального количества источников, которое позволял объем текста книги. Современные читатели хотят знать не только что делали древние люди, но и как они жили и что они думали. Возможно, лучший способ оживить прошлое – заставить его говорить само за себя.

Глава 1

География

Нигде так явно не прослеживается воздействие географического фактора на историческое развитие, как в странах, простирающихся от Средиземного моря до Иранского нагорья, которые входят в состав Ближнего Востока. В огромных пустынях, экваториальных лесах или вблизи полюсов человеку приходится сталкиваться с враждебной природой, угрожающей самому его существованию. Вместе с тем в зонах с умеренным климатом благодаря благоприятной и способствующей развитию окружающей среде он почти везде чувствует себя дома. Но на засушливом, субтропическом Ближнем Востоке баланс между человеком и природой оказывается более шатким. Первый может жить там и даже процветать, хотя его деятельность во многом обусловлена рельефом местности, особенностями почвы, количеством осадков, местонахождением источников и колодцев, течением и интенсивностью потока рек. Эти факторы оказывают на него огромное воздействие, они влияют на прокладываемые им торговые маршруты и его военные предприятия, заставляют его вести оседлый образ жизни и заниматься земледелием или вынуждают стать кочевником, воздействуют на формирование его физических и моральных качеств и до определенной степени определяют его мысли и религиозные представления. Таким образом, рассказ об истории любой ближневосточной страны должен начинаться с описания ее карты, и Древний Ирак не является исключением.

Из-за того что в нашем распоряжении нет ни одного древнего трактата по географии, приведенное ниже описание будет основано на топологии современного Ирака. При этом оно (с учетом незначительных поправок), несомненно, справедливо и для древности. Несмотря на то что в некоторых частях страны реки в настоящее время текут по другому руслу, не такому, как в древности, а некоторые прежде плодородные районы превратились в засушливые пустыни и наоборот, в целом расположение гор, равнин и долин, очевидно, остается прежним. Кроме того, на основе сравнения древних и современных флоры и фауны, а также сведений, полученных в результате проведения геологических и метеорологических исследований, можно сделать вывод, что на протяжении последних пяти тысячелетий климат менялся незначительно и этими переменами вполне можно пренебречь.

Однако подобного рода научные доказательства излишни, так как любой приехавший в Ирак и обладающий минимальными познаниями в истории человек оказывается в аналогичной окружающей среде. О далеком прошлом напоминают не только лишенные растительности горы, каменистые пустыни, засеянные ячменем поля, пальмовые рощи, заросли тростника и заиленные равнины, формировавшие ландшафт, косвенно описанный в источниках и повлиявший на создателей памятников, но и условия жизни за пределами крупных городов. На холмах за овцами и козами следят пастухи, будто сошедшие со страниц Библии; в пустынях племена кочевников-бедуинов, как и в древности, бесконечно скитаются от одного колодца до другого; на равнинах крестьяне живут в домах, сложенных из кирпича-сырца, почти неотличимых от тех, где обитали их далекие предки, и нередко используют такие же орудия труда; на болотах рыбаки, подобно шумерам, живут в тростниковых хижинах и плавают на высоконосных лодках. Несмотря на то что жители этих мест уже не поклоняются луне, солнцу, ветрам и рекам, они одновременно боятся этих сил природы и уважают их. Многие древние обычаи и верования можно объяснить, проанализировав условия жизни этих современных людей. В мире очень мало стран, где, как это ни странно, прошлое как будто оживает, где «мертвые» тексты, с которыми приходится работать историкам, получают превосходные иллюстрации.

Изучаемый нами регион представляет собой треугольник, занимающий площадь около 240 000 км² и ограниченный воображаемыми линиями, соединяющими Алеппо, озеро Урмия и устье реки Шатт-эль-Араб. Часть этого треугольника находится на территории современной Сирии, часть (большая) – в Ираке, в то время как его северная и восточная оконечности принадлежат Турции и Ирану. Однако эти границы сформировались недавно, а сам данный регион в действительности представляет собой с точки зрения географии единое целое, основными осями которого являются долины двух рек – Тигра и Евфрата. Таким образом, именно его можно назвать Месопотамией, хотя значение этого слова, некогда придуманного древнегреческими историками, несколько ограничено – оно переводится как «(страна) между рек». Это может показаться странным, но древние обитатели «Месопотамии» не дали название всему региону, на территории которого они жили. Используя термины неизбежно оказываются чрезмерно широкими («Страна») или чересчур узкими (Шумер, Аккад, Ашшур, Вавилон). Эти люди слишком привыкли к мысли о существовании множества городов-государств и узких политико-религиозных границ и не могли признать существование территориальной единицы, которое нам кажется столь очевидным.

В дохристианскую эпоху географическое единство Месопотамии дополнялось поразительной общностью культуры. Внутри треугольника процветала цивилизация, которую по качеству и той роли, что она сыграла в истории, можно сравнить, пожалуй, только с древнеегипетской. В зависимости от веяний моды ее называли «халдейской», «ассиро-вавилонской», «шумеро-аккадской» или «месопотамской», но все эти понятия обозначают одно и то же явление. Растение, корни которого уходят далеко в глубь доисторической эпохи, медленно выросло, расцвело на заре истории и просуществовало в течение почти трех тысячелетий, оставаясь практически неизменным на протяжении всего этого времени, несмотря на постоянные политические потрясения, ассимиляцию с другими народами и их влияние. Центрами, создавшими, развивавшими и распространявшими эту цивилизацию, стали такие города, как Ур, Урук, Ниппур, Аккад, Вавилон, Ашшур и Ниневия, расположенные на территории современного Ирака, неподалеку от Тигра и Евфрата или прямо на берегах этих рек.

Однако в начале христианской эры месопотамская цивилизация постепенно пришла в упадок и исчезла по причинам, о которых будет сказано ниже. Греки сумели сохранить некоторые из ее культурных и научных достижений, впоследствии ставшие частью нашего собственного наследия. Остальные либо безвозвратно исчезли, либо на протяжении многих столетий были погребены под толщей земли в ожидании археологов. Блистательное прошлое было забыто. В короткой человеческой памяти от всех этих великолепных городов, могущественных богов и правителей остались лишь единичные, нередко искаженные названия и имена. Губительный дождь, приносящие толщи песка ветры, иссушающее землю солнце скрыли свидетельства их существования. Пустынные холмы, под которыми были спрятаны руины Вавилона и Ниневии, пожалуй, являют собой лучший урок скромности из всех, что преподала нам история.

Две реки

Авторы различных работ часто цитируют знаменитые слова Геродота о том, что Египет – это дар Нила. Во многих отношениях то же можно сказать и о Месопотамии – она стала даром двух рек. С незапамятных времен Тигр и Евфрат приносили ил к подножию осадочных пород на территории между Аравийской платформой и Иранским нагорьем, создавая среди пустынь равнину, не имеющую аналогов во всем неплодородном регионе, простирающемся на протяжении более чем 3700 км от Инда до Нила. Повлияло ли на эту равнину также море? Иными словами, достигал ли в глубокой древности Персидский залив широты Багдада, постепенно отходя на юг с течением тысячелетий? На этом настаивают сторонники

классической теории, на протяжении продолжительного времени считавшейся догмой и до сих пор нашедшей отражение в большинстве учебников.

Однако в 1952 г. появилась новая теория, согласно которой отложения, приносимые Тигром и Евфратом, оставались на дне медленно опускавшегося бассейна, вследствие чего береговая линия с течением времени изменилась незначительно. Действительно, есть ученые, которые считают, что в далеком прошлом она располагалась южнее, чем сейчас. Новая теория базируется на сведениях, добытых в основном при изучении окаменелостей, найденных на поверхности, и на результатах, полученных в ходе изучения русел древних каналов и рек, проведенного с использованием аэрофотосъемки. Ее хорошо приняли геологи, но археологи сохранили скептическое отношение к ней, хотя поверхностные находки, сделанные в районе Басры, могут способствовать проведению новых исследований в данной малоизученной области. В любом случае решение этой крайне интересной проблемы можно найти, сравнив сведения, полученные в ходе изучения источников, данные археологии, геологии и гидрографии. Этот процесс в настоящее время далек от завершения, из-за чего лучше всего пока оставить данный вопрос открытым.

Истоки обеих рек – и Тигра, и Евфрата – находятся на Армянском нагорье, первой из них – к югу от озера Ван, а второй – рядом с горой Арарат. Евфрат, длина которого составляет примерно 2860 км, сначала, извиваясь, течет через Турцию, в то время как гораздо более короткий Тигр (1850 км) практически сразу берет курс на юг. Там, где реки стекают с Таврских гор, их разделяют всего примерно 402 км голой степи. Евфрат, который в районе Джераблуса находится всего в 160 км от Средиземного моря, поворачивает на юго-восток и лениво течет по направлению к Тигру. Неподалеку от Багдада они, разделенные всего 32 км, почти сливаются, но вскоре расходятся снова и не встречаются до тех пор, пока не достигают Курны, расположенной в 80 км к северу от Басры, где образуют Шатт-эль-Араб. Однако в древности этой прекрасной широкой реки не было – тогда Тигр и Евфрат впадали в море отдельно друг от друга. Эту общую модель течения рек можно разделить на две составляющих. К северу от линии Хит – Самарра долины обеих рек четко прослеживаются. Два потока прорубают свой путь через плато из твердого известняка и глинистого сланца, в результате чего их берега получились довольно крутыми. Благодаря этому с течением времени русла Тигра и Евфрата сдвинулись лишь незначительно.

Такие древние города, как Каркемиш, Мари, Ниневия, Нимруд и Ашшур, как и тысячелетия назад, находятся на берегах рек или неподалеку от них. Однако к югу от вышеназванной линии долины смешиваются и формируют широкую и плоскую аллювиальную равнину, некогда называвшуюся Месопотамской дельтой, по которой реки текут под таким незначительным уклоном, что сильно изгибаются и образуют многочисленные притоки. Как и все подобные реки, они поднимают свое русло, из-за чего нередко текут выше уровня равнины. Из-за этого появляется тенденция к формированию постоянных озер и болот и частой смене направления течения. Это объясняет тот факт, что города, расположенные на юге Междуречья, некогда находившиеся на берегах Евфрата и его притоков, в настоящее время погребены под пустынными холмами из ила, лежащими в нескольких километрах от современных русел рек. Изменения направления течений рек – предмет крайне сложный для ретроспективного изучения и точной датировки, но в древности они определенно имели место. Примечательно, однако, что жители Древней Месопотамии умели держать свои реки под контролем – Евфрат тек примерно по одному и тому же руслу на протяжении примерно трех тысячелетий, неся свои воды мимо Сиппара, Вавилона, Ниппура, Шуруппака, Урука, Ларсы и Ура, то есть на 24–80 км к востоку от его современного русла. Нам все еще совсем не много известно о направлении течения Тигра в Южной Месопотамии, особенно к югу от Кут-эль-Амары, но мы надеемся, что метод разведки, при котором изучается лежащая на поверхности керамика, созданный учеными из Восточного института Чикаго и успешно применен-

ный ими в долине реки Диялы и в центральных областях Шумера и Аккада, однажды поможет пролить свет на решение этой крайне важной проблемы исторической топографии.

Климат в центральной и южной частях Ирака является одной из разновидностей сухого субтропического. Летом температура достигает там 120 градусов по Фаренгейту (50 °C), а среднее количество осадков зимой не превышает 25 см. Таким образом, местные земледельцы полностью зависят от искусственного орошения, хотя размеры и профиль равнины, а также интенсивность потоков рек не позволяют им прибегнуть к дешевому и простому «бассейновому» способу орошения, который применялся, например, в Египте, где Нил во время разлива свободно заливал долину, а затем его воды отступали. Так как разлив Тигра и Евфрата приходился на период между апрелем и июнем, когда уже слишком поздно для озимых, но еще рано для летних посадок, для полива полей было необходимо приложить усилия, и делалось это с помощью системы каналов, бассейнов, рвов, шлюзов-регуляторов и т. д. («круглогодичное орошение»).

Создание эффективной системы каналов и предохранение их от заиливания были грандиозными задачами, которые приходилось выполнять постоянно и которые требовали огромных трудовых ресурсов и совместной работы представителей сразу нескольких демографических групп. Именно это стало причиной местных конфликтов и политического единства. Но и это не все: год за годом месопотамские земледельцы опасались двух смертельных угроз. Самой коварной из них было скопление на плоских низинных участках соли, поступавшей с водой через оросительные сооружения и откладывавшейся на горизонте грунтовых вод, расположенном прямо под земной поверхностью. Если не делать искусственный дренаж (а он, судя по всему, не был известен в древности), плодородные поля за относительно короткий промежуток времени могут превратиться в бесплодные, и поэтому со временем людям приходилось оставлять все большие участки земли, постепенно превращавшиеся в пустыню.

Другая угроза была связана с непредсказуемой интенсивностью потоков обеих рек. В то время как озера Восточной Африки, из которых вытекал Нил, регулировали скорость его потока, благодаря чему его разливы происходили ежегодно и для них была характерна примерно одна и та же высота, предсказать высоту разливов Тигра и Евфрата было невозможно, так как она зависела от постоянно изменявшегося количества осадков, выпадавших в горах Армении и Курдистана. Если невысокие разливы, происходившие на протяжении нескольких лет, обозначали засуху и голод, то одного слишком сильного было достаточно для катастрофы. Реки выходили из берегов и заливали низины. Хлипкие дома из сырцового кирпича и тростниковые хижины смывало, урожай, скот и пожитки большей части населения оказывались под мутной водой огромного озера. Эту ужасную картину никогда не забудут те, кто стал свидетелем сильнейшего наводнения, произошедшего в Ираке весной 1954 г. Таким образом, можно сказать, что Месопотамия всегда находилась между двух крайностей – пустыней и болотом. Считается, что эта двойная угроза и связанная с ней неуверенность в завтрашнем дне привели к появлению «фундаментального пессимизма», который, по мнению некоторых авторов, был характерен для философии Древней Месопотамии.

Несмотря на эти недостатки, равнина, по которой текут Тигр и Евфрат, вполне пригодна для земледелия, а в древности, до значительного засоления почвы, она была еще более плодородной. Все население Древнего Ирака с легкостью могло прокормиться благодаря сельской местности и обменивать излишки урожая на металлы, древесину и камень, которые приходилось привозить издалека. Хотя выращивались пшеница, в том числе эммер, просо и кунжут, основной злаковой культурой был (и до сих пор остается) ячмень, так как он растет на слегка засоленных почвах. Как того и следовало ожидать, методы, использовавшиеся в земледелии, были довольно примитивными, хотя в то же время вполне основательными. Они подробно описаны в довольно интересном источнике, написанном около 1700 г. до н. э.

и названном историками «Альманахом шумерского земледельца». Согласно этому тексту, представляющему собой сборник советов земледельца своему сыну, сначала поле умеренно поливали, затем выгоняли на него подкованных быков, которые его вытаптывали, а потом аккуратно разрыхляли почву с помощью топоров. Пахоту и сев проводили одновременно – с помощью деревянного плуга-сеялки, углублявшегося «на два пальца» в почву и делавшего борозды на расстоянии примерно 0,6 м друг от друга. Затем, когда ячмень уже рос, поле снова поливали два или три раза. В этом же источнике также описываются сбор урожая, молотба с помощью повозок и салазок, то, как зерно веяли. Как и в Книге Руфь, автор «Альманаха земледельца» советует: «Во время дневной жатвы, как в «дни лишений», пусть на земле останется немного зерна в помощь молодым и сборщикам колосьев по их числу». Иными словами, крестьянину следовало оставить на земле часть упавших колосьев.

Первый раз поле поливали и вспахивали в мае – июне, а основная часть урожая, как правило, созревала в апреле следующего года. Но после зимних дождей всегда вырастали промежуточные культуры. Земля была настолько плодородной, что цифры, приведенные Геродотом и Страбоном через 200–300 лет, не кажутся преувеличенными. Основываясь на клинописных текстах, исследователи подсчитали, что урожай пшеницы, который получали жители крайнего юга Ирака примерно в 2400 г. до н. э., можно сравнить с тем, который современные канадские фермеры собирают со своих лучших полей. Теплый и влажный климат юга Месопотамии и обилие воды для полива также позволили выращивать финиковые пальмы, которые обычно окаймляют берега рек и каналов, «опуская ноги в воду и поднимая голову к палящему солнцу» (так о них говорится в арабской пословице).

Благодаря источникам мы знаем, что уже в 3-м тыс. до н. э. в Шумере были обширные пальмовые рощи, а его жители умели проводить искусственное опыление. Основу рациона обитателей Древнего Ирака составляли мука и финики, обладающие большой питательной ценностью. В то же время на незасаженных участках и на полях, оставленных под паром, выращивали и пасли крупный рогатый скот и овец, а в реках, каналах и прудах в обилии водилась рыба. В садах, укрытых от солнца пальмовыми рощами и орошаемых с помощью довольно простого приспособления (*далу*), которое местные крестьяне используют до сих пор, не изменив даже его название, зрели различные овощи и фрукты. Нет никаких сомнений в том, что, за исключением нечастых периодов голода, вызванного войной или стихийными бедствиями, обитатели Месопотамии могли позволить себе питаться весьма разнообразной едой, что выгодно отличало их от соседей, живших в Сирии, Иране и Малой Азии.

Местные особенности

Вплоть до настоящего момента наше внимание было сосредоточено на основной оси месопотамского треугольника – равнине между двумя реками, однако, обратив внимание на территории, расположенные на периферии, мы увидим, что тамошний климат и ландшафт отличается ряд особенностей. Исключив из сферы своего внимания специфику местечкового характера, мы сможем выделить четыре зоны: пустыню, степь, предгорья и болота.

На протяжении всего течения Евфрата ландшафты сменяют друг друга: на севере возвышаются холмы, в центре местность рассечена глубокими вади, на юге преобладает ровная, ничем не примечательная поверхность, а на западе со всеми этими территориями граничит пустыня, простирающаяся на сотни километров – вплоть до самого сердца Аравии. Эта огромная Сирийско-Аравийская пустыня, однако, была чуждой жителям Древней Месопотамии. Линия, отделяющая ее от долины Евфрата, также маркирует границу, за которую не заходили поселения доисламского времени. В подавляющем большинстве шумеры и вавилоняне были земледельцами. В отличие от арабов они отвернулись от пустыни и не покидали «хорошую землю», созданную плодородными наносными отложениями. Однако им прихо-

дилось считаться с грубыми кочевниками, нападавшими на их караваны, города и деревни и даже вторгавшимися в их страну, как это сделали в начале 2-го тыс. до н. э. амореи, а через 800 лет – арамеи. Как будет сказано ниже, многие страницы истории Древнего Ирака посвящены этой многовековой борьбе оседлого населения плодородных равнин с враждебными им племенами из западной пустыни.

Следует добавить, что и в различных частях самой Месопотамии имели место погодные условия, характерные для пустыни. Пустыня не только угрожала местности, расположенной между двумя реками, грозя занять место посевов и пальмовых рощ, как только Тигр и Евфрат изменят свое течение или заилются каналы, но и занимала значительные территории на левом берегу Тигра и среднего течения Евфрата, где безжизненную местность, малонаселенную даже в лучшие времена и расположенную далеко от основных торговых путей, покрывали вадии и соленые озера.

В северо-западной части Месопотамии, за пределами узкой горной гряды, образованной горами Абдулазиз и Синджар, вплоть до предгорий Тавра больше чем на 400 км простерлась равнина, названная арабами Эль-Джазира, «остров», и отделяющая Тигр от Евфрата. По этому региону разбросаны многочисленные речушки, собирающиеся вместе, чтобы дать начало рекам Балих и Хабур, притокам Евфрата. Более чем достаточные осадки дополняет обширный и неглубоко расположенный горизонт грунтовых вод, пополняющийся благодаря снегу с расположенных неподалеку гор. Поля и фруктовые сады простираются вдоль рек или теснятся у близлежащих источников или колодцев. Ячейки этой зеленой цепи дополняются степью, которая весной покрыта травой и является превосходным местом для разведения скота, овец и лошадей. Эта плодородная равнина создает естественный «коридор», переходную зону между долиной, расположенной в верхнем течении Тигра, и равнинами Северной Сирии. Поразительно обильное скопление теллей, под которыми скрываются руины древних городов и деревень, свидетельствует о том, что в древности эта местность была густо заселена.

Отдельный интерес для историков представляет северо-восточная оконечность Ирака, район предгорий, находящийся между Тигром и горами Курдистана. Там количество ежегодных осадков варьируется от 30,5 до 63,5 см. Местность вдоль реки из холмистой равнины превращается в скопление параллельных складок, высота которых постоянно увеличивается, и переходит в обладающие неровной поверхностью и покрытые снегом вершины горного хребта Загроса (их высота варьируется от 2,4 до 3,5 км), отделяющего Ирак от Ирана. Четыре притока Тигра: Большой Заб, Малый Заб, Ботан и Дияла – под наклоном текут через этот регион, иногда прорезая глубокие тоннели в толще известняковых скал, а порой обходя их. Летом здесь жарко, а зимой довольно прохладно. Сейчас на холмах почти ничего не растет, но то тут, то там на их склонах заметны то луг, то небольшая дубовая или сосновая роща, в то время как в довольно высоко расположенных долинах прекрасно растут ячмень, пшеница, фруктовые деревья, виноградники и овощи. Ставшая настоящим домом для первобытных пещерных людей и колыбелью (вернее, одной из колыбелей) земледелия на Ближнем Востоке эпохи неолита и самым сердцем Ассирийского царства, эта привлекательная местность играла весьма важную роль в истории Месопотамии. Даже в период существования Ассирии цивилизация не выходила за пределы плодородной земли, расположенной у подножий холмов. Сами горы, которые сложно преодолеть и легко защищать, стали границей, за которую спорили месопотамские правители, стоявшие во главе своих армий, и горцы-«варвары», подобно жившим в западной пустыне бедуинам, сильно желали получить под свой контроль богатые города, находящиеся на равнине, чем порождали ужас в сердцах их жителей.

В противоположном конце Ирака, в южной части дельты Тигра и Евфрата, простираются болота, образующие отдельный регион, совсем не похожий на всю остальную Месопотамию.

тамию. Из-за бесчисленного множества мелких озер, узких русел речушек, извивающихся по густым зарослям тростника, живущих там водяных буйволов, кабанов и диких птиц, москитов и удушающей жары это место стало одним из самых странных, труднодоступных и захватывающих регионов мира. Хотя они могли различаться по размеру и форме, судя по древним памятникам и источникам, эти области существовали всегда, и, действительно, маданы, или озерные арабы, в некоторой степени сохранили образ жизни, который вели шумеры, поселившиеся на краю болот более пяти тысячелетий назад. С точки зрения археологии иракские болота во многом являются *terra incognita*. Судя по словам путешественников, следы древних поселений здесь встречаются крайне редко. Возможно, причина этого заключается в том, что они представляли собой деревни из тростниковых хижин, подобные современным, успевшие полностью исчезнуть или оказаться погребенными под несколькими метрами ила и воды. Однако исследователи надеются, что применение современных методов (таких, как, например, разведка с помощью вертолетов) позволит лучше изучить эту местность, представляющую для историков значительный интерес.

Таким образом, под кажущимся единообразием скрывается настоящая страна контрастов, которой и является Ирак. Если расположенные на севере степи и простирающиеся на юге болота можно считать местными особенностями огромной Месопотамской низменности, то ее топография, климат и растительность значительно отличаются от характерных для региона, находящегося в предгорьях, и эти различия не могли не сыграть определенную роль в истории. На протяжении всей эпохи древности наблюдалось противостояние, порой едва заметное и прослеживающееся только по различиям в культуре, а иногда открытое и перераставшее в ожесточенные конфликты между севером и югом, или, если использовать терминологию политической географии, между Шумером и Аккадом и Ассирией.

Торговые пути

Задолго до того, как они узнали о том, что под их ногами скрываются богатые запасы нефти, жители Ирака использовали исходное вещество, битум, которое они получали из мест выхода нефти, имеющих в разных частях страны, особенно в районе среднего течения Евфрата, между Хитом и Рамади. Его применяли не только в строительстве (в качестве строительного раствора для кирпичной кладки и водостойкой облицовки бань и дренажей), но и при создании скульптур, мозаик. Битумом конопатили лодки, применяли его в качестве топлива и даже лекарства. В нашем распоряжении имеются сведения, согласно которым по крайней мере на протяжении некоторых периодов истории жители Месопотамии экспортировали его.

Однако битум был единственным минеральным веществом, доступным жителям Месопотамии, в которой, наделенной плодородными почвами, почти полностью отсутствовали запасы металлических руд, камня и качественной древесины. Эти товары привозили издалека уже в доисторические времена, что позволило культуре бронзового века развиваться на территории, где ощущалась острая нехватка металла. Считается, что медь впервые была открыта на северо-западе Ирана или на Кавказе либо, возможно, ее сначала привозили из Азербайджана или Армении. Однако вскоре были обнаружены альтернативные источники ее добычи, такие как Анатолия (где впоследствии производилось железо), Кипр и страна, которая в клинописных текстах названа Маганом и предварительно была отождествлена с покрытой горами частью Омана. До того как финикийцы в 1-м тыс. до н. э. привезли олово из Испании, его, очевидно, доставляли из Ирана, с Кавказа или, возможно, даже из Афганистана. Серебро в основном доставляли из Таврских гор, а золото – из различных месторождений, разбросанных между Египтом и Индией. Из нескольких областей Ирана экспортировали твердые породы камня, а также полудрагоценные камни, а Маган славился

превосходным черным диоритом, добывавшимся в нем и использовавшимся скульпторами эпохи правления III династии Ура. Обычную древесину можно было найти неподалеку от гор Загроса, но драгоценный кедр привозили из Ливана или из окрестностей горного хребта Аманос, в то время как другие виды древесины доставляли по морю из загадочной страны Мелуххи (возможно, так в древности называли Индию). Таким образом, уже в глубокой древности сформировалась обширная сеть торговых путей, соединявшая различные части Месопотамии между собой и со всем остальным Ближним Востоком.

Из одной части самого Междуречья в другую часто добирались по воде. Тигр и Евфрат были весьма удобными водными магистралями, соединявшими север и юг Месопотамии, а самые крупные из оросительных каналов также можно было использовать для передвижений между городами и деревнями. Оценить преимущества такого способа передвижения можно, вспомнив, что сами каналы являются препятствием для передвижений по земле, вся равнина покрыта толстым слоем ила зимой, залита водами разлившихся рек весной, а единственными выючными животными до I-го тыс. до н. э., когда стали активно использовать верблюдов, были ослы.

За пределами Месопотамии две основные дороги вели на запад – в сторону Сирии и Средиземноморского побережья. Несомненно, они представляли собой простые пустынные тропы, так как мощные дороги, начинавшиеся у ворот некоторых городов, вряд ли были очень длинными. Первый путь отходил от Сиппара (недалеко от современного города Эль-Фаллуджа, на широте Багдада), шел вдоль Евфрата вплоть до Мари или другого центра торговли, расположенного в районе Абу-Кемаля и Дейр-эз-Заур, и, перерезав пустыню через Тидмур (Памиру), достигал района Хомса, где разделялся на несколько дорог, ведущих в финикийские порты, Дамаск и Палестину. Идти летом через пустыню шириной около 482 км было неудобно. Кроме того, постоянно существовала угроза нападения кочевников. Поэтому караваны и войска, как правило, предпочитали второй путь, гораздо более длинный, но безопасный, где можно было без проблем найти воду и корм для животных. Он отходил от Тигра в районе Ниневии, что напротив современного Мосула, шел по степи Эль-Джазиры с востока на запад, через Шубат-Энлиль (возможно, телль Чагар-Базар), Гузану (Телль-Халаф) и Харрану (Харран), пересекал Евфрат в районе Каркемиша (Джераблус) или Эмара (Мескене), проходил через Алеппо или мимо него и заканчивался в долине Оронта, разделяясь на дороги, ведущие к Средиземноморскому побережью и в центральную часть Сирии. От различных отрезков этого пути в северо-западном направлении отходили другие дороги, большинство из которых заканчивалось в Киликии или Анатолии. Из Ниневии также можно было попасть в Армению и в Восточную Анатолию, двигаясь вдоль Тигра до Диярбакыра, а затем преодолев Таврские горы через узкие перевалы.

Добраться до районов, расположенных на востоке, было гораздо труднее. Как правило, племена, жившие в горах Загроса, были настроены к путешественникам довольно враждебно, да и сами горы являлись труднопреодолимой преградой, миновать которую можно было только в трех местах: в районе Райата (недалеко от Равандуза), Халабджи (к юго-востоку от Сулеймании) и Ханакина (в верхнем течении Диялы). Через проходы в Райате и Халабдже можно было попасть в Азербайджан и к берегам озера Урмия, перевал в Ханакине вел к Керманшаху, Хамадану, а затем на Иранское нагорье. Четвертая дорога, расположенная намного южнее, шла параллельно Загросу из Дера (недалеко от Бадры) в Сузы (Шуш, рядом с Дизфулем) – столицу Элама. На ней не встречались препятствия, так как нижние долины рек Керхи и Каруна, где располагался Элам, были продолжением Месопотамской равнины. Однако эламцы являлись традиционными соперниками жителей Междуречья, из-за чего по этой дороге чаще ходили войска, чем мирные караваны.

Последний из основных торговых путей, соединявших Ирак с остальным миром, проходил через Персидский залив, который называли «Нижним морем» или «Морем восходя-

щего солнца». Начиная с раннеисламского времени и вплоть до настоящего момента Персидский залив является «легкими» Ирака, широко открытым окном в Индию и на Дальний Восток, но определить, какую роль он играл в хозяйстве Древнего Ирака, сложно. Связи между Месопотамией и Индией сформировались еще в глубокой древности, но в нашем распоряжении нет свидетельств, позволяющих утверждать, что по морю эти контакты осуществлялись чаще, чем по суше. В клинописных текстах, датируемых концом 3-го тыс. до н. э. и более поздним временем, присутствуют частые упоминания о кораблях, плывущих из Ура в Дильмун (Бахрейн), Маган и Мелухху. Кроме того, нам известно, что цари Аккада (примерно в 2300 г. до н. э.) и Ассирии (в 1-м тыс. до н. э.) сумели включить страны, находящиеся на берегах Персидского залива, в сферу своего экономического и политического влияния.

Благодаря этому краткому и неполному описанию становится понятно (вопреки широко распространенному мнению), что в Месопотамии не было идеальных условий для появления в ней самобытной цивилизации. Две реки Междуречья сформировали плодородную дельту, но они приносили с собой не только богатство, но и бедствия. Постоянно прилагая значительные усилия, местные жители могли поставить земледелие на широкую ногу, но им остро не хватало металлов, камня и древесины. Долину со всех сторон окружали пустыни и высокие горы, где жили враждебно настроенные племена, из-за чего ее обитатели могли попасть к морю, граничившему с весьма недружелюбными землями Аравии и Персии протяженностью 800 км, только по одному узкому проходу. Учитывая все обстоятельства, можно прийти к выводу, что условия в расположенной на севере степи и в предгорьях Курдистана были гораздо более благоприятными, чем на плодородной равнине. Не случайно именно в этих регионах зародились культуры месопотамского неолита и раннего меднокаменного века. Однако свою форму цивилизация Междуречья приняла на крайнем юге, на краю болот. Чего бы ни достигли жители Древнего Ирака, удалось им это только благодаря неустанной борьбе с природой и другими людьми, красной нитью проходящей через всю историю этой части света. Прежде чем продолжить рассказ, следует поговорить об источниках, из которых историки черпают сведения, необходимые им для работы.

Глава 2

В поисках прошлого

Для того чтобы реконструировать прошлое, историки используют источники двух типов: письменные и вещественные. К последней категории относятся все артефакты, начиная с изысканнейшего здания и заканчивая самой неприглядной кухонной утварью. В то время как при изучении относительно недавней истории вещественные источники имеют относительно небольшое значение, чем более отдален исследуемый период по времени, тем более важную роль они начинают играть. К примеру, ученый, изучающий историю XIX в., в основном работает в архивах и очень редко обращается к планам домов и церквей, в то время как архитектурные детали крайне важны для его коллеги, пишущего о Троянской войне или демократии в Афинах, так как письменные источники, освещающие эти проблемы, немногочисленны и их необходимо дополнять информацией, получаемой из любых других достоверных источников. Так как историки не имеют прямого доступа к подобным вещественным источникам, им, как правило, приходится полагаться на труды, написанные людьми, основной задачей которых являются раскопки древних городищ и некрополей, – полевыми археологами.

Историки, изучающие Ближний Восток в древности, в еще большей степени зависят от археологов, чем занимающиеся Античностью, так как в Месопотамии, Египте и Палестине артефакты и письменные источники по причинам, о которых речь пойдет ниже, глубоко погребены в земле, а значит, добыть их можно только посредством раскопок. Археологические раскопки начали проводиться в Ираке в 1843 г. и с тех пор непрерывно продолжались. Первоначально ими занимались гениальные непрофессионалы, но затем, в начале XX в., когда стало ясно: пополнение музейных коллекций предметами искусства не самоцель и гораздо важнее понять, как в то далекое время жили люди, – раскопки начали проводиться в соответствии с научными стандартами. С другой стороны, сама природа их работы – то, что они имеют дело с такими хрупкими вещами, как кирпич-сырец и глиняные таблички, а также необходимость слой за слоем уничтожать место, где некогда жили люди, чтобы «оказаться» в более отдаленном прошлом, заставила археологов разработать качественную и эффективную методику. В страну прибыли команды специалистов, получивших подготовку и финансовую поддержку от европейских и американских музеев, а также университетов и взявшие на вооружение все последние достижения современной науки, чтобы руководить опытными рабочими, орудуящими лопатами и кирками, и контролировать их действия. В середине XX в. были тщательно изучены более тридцати памятников, включая практически все основные города Древнего Ирака, и «заговорило» более сотни холмов. Этой международной команде археологов удалось достичь поразительных результатов. Мы сумели полностью пересмотреть все, что нам было известно об истории Древней Месопотамии, и расширить свои познания. Историки, которым еще 100 лет назад приходилось опираться на немногочисленные и разрозненные сведения, содержащиеся в Библии и в сочинениях нескольких античных авторов, теперь признаются, что им с трудом удается справляться с огромным объемом данных, год за годом поступающих в их распоряжение, и выражают огромную благодарность археологам.

Таким образом, одной вежливости было бы достаточно для того, чтобы написать эту главу, но на это имелись и другие причины. На протяжении всей книги будут упоминаться холмы, или телли, под которыми погребены руины древних иракских городов; мы будем ссылаться на слои, а также, по возможности, приводить абсолютные и относительные датировки. Нам показалось, что читателю, возможно, с самого начала следует понять, о чем пой-

дет речь дальше и что рассказ о предметах, методах и развитии науки, которая в настоящее время называется «археологией Месопотамии», станет лучшим способом удовлетворить его любопытство.

Погребенные города Ирака

В большинстве своем туристы оказываются не подготовленными к первой встрече с древними городами Ирака. Их приводят к холму, возвышающемуся над равниной, и говорят, что некогда здесь находился древний город. Подойдя ближе, они могут увидеть такие потрясающие памятники, как ступенчатая башня в Уре или ворота Иштар в Вавилоне, но в большинстве случаев им приходится довольствоваться остатками сооружений из сырцового кирпича и грудями земли, усеянной осколками керамики. Вполне естественно, что путешественники остаются в недоумении и пытаются понять, как это произошло.

Для того чтобы ответить на данный вопрос, следует для начала объяснить, что все эти древние города были построены из глины. Камень встречается в Ираке крайне редко, в то время как глина всегда под рукой. В глубокой древности дома представляли собой нагромождения этого материала или были сложены из бесформенных комков глины, однако вскоре ее стали смешивать с сеном, галькой или черепками, формовать кирпичи, сушить их на солнце и скреплять между собой с помощью гипсового раствора. Это позволяло строить более широкие, крепкие и ровные стены. Конечно, кирпичи, высушенные в печи, были более прочными, особенно когда материал для них смешивали с битумом, но стоили они дороже, так как дров было немного, а битум привозили из относительно отдаленных районов. Поэтому из обожженных кирпичей, как правило, строили дома богов и царей (конечно, существовали и исключения), а подавляющее большинство зданий в Древней Месопотамии было сложено из кирпича-сырца. В качестве крыши использовали циновки из тростника и ветвей деревьев, на которые насыпали землю. Полы были земляными, но иногда покрывались гипсом. На стены, как правило, накладывали слой глиняной штукатурки.

Эти дома с толстыми стенами были относительно удобными – летом в них царила прохлада, а зимой было тепло, но они требовали к себе постоянного внимания. Каждое лето приходилось покрывать крышу новым слоем глины, чтобы зимой, во время дождей, вода не протекала внутрь, а полы нужно было постоянно поднимать. Причина этого заключается в том, что в древности мусор не собирали, а выбрасывали на улицу, поэтому уровень дневной поверхности повышался и полы граничащих с ней домов оказывались расположенными ниже, из-за чего внутрь попадали дождевая вода и грязь. Поэтому в комнаты приносили землю, разбрасывали ее по поверхности старого пола, выравнивали и покрывали новым слоем гипса. В одном и том же доме археологи нередко находят два, три и больше пола, положенные друг на друга. Если хозяева делали все необходимое, дом из кирпича-сырца мог прослужить на протяжении очень многих лет. Но однажды могло произойти нечто из ряда вон выходящее. Что бы ни случилось: война, пожар, эпидемия, потоп или изменение русла реки, – результат был один: часть жителей или все они покидали город. Оставленные без присмотра крыши падали, а стены, с обеих сторон подверженные воздействию непогоды, обрушались, заваливая внутренние помещения и скрывая под собой вещи, оставленные хозяевами дома. В случае войны разрушения происходили гораздо быстрее, так как завоеватели, как правило, поджигали захваченные ими города.

Через несколько лет на это место могли прийти новые поселенцы, привлеченные его расположением, выгодным с точки зрения стратегии или торговли либо благодаря доступности источников воды, либо ведомые религиозными чувствами – стремлением оказаться под защитой бога, являвшегося покровителем данного города. Так как новым поселенцам нечем было убирать огромные горы строительного мусора, они сравнивали с землей разрушенные

стены и использовали их в качестве оснований для своих собственных зданий. На протяжении определенного периода эти процессы могли происходить несколько раз, слои накладывались друг на друга, а уровень, на котором располагалась территория самого города, постепенно оказывался выше уровня окружающей его равнины. Конечно, некоторые поселения оказывались заброшенными через незначительное время после их основания, и люди туда больше не возвращались; другие, такие как Эрбиль и Киркук, более или менее постоянно использовались с глубокой древности и продолжают существовать в наше время. Однако подавляющее большинство городов в тот или иной период продолжительной истории Ирака было покинуто жителями через несколько столетий или тысячелетий после их основания. Несложно представить, что происходило после этого. Поднятые ветром песок и земля засыпали остатки стен, заполняли собой улицы и все доступные отверстия, в то время как дождевая вода выравнивала поверхность развалин, из-за чего их остатки оказывались разбросанными по достаточно обширной территории. Медленно, но неотвратимо город принимал тот облик, к которому мы привыкли, – закругленного холма более или менее правильной формы, для названия которого арабы используют древнее, возникшее еще в доисламскую эпоху слово – «телль».

Задача археолога заключается в том, чтобы аккуратно разрезать эту плотно спряденную ткань из стоящих и упавших стен, фундаментов и камней, полов и земляных насыпок и таким образом восстановить планировку домов, собрать и сохранить найденные в них артефакты, выявить и датировать слои, из которых состоит телль. В зависимости от количества времени и средств, имеющихся в их распоряжении, они выбирают один из нескольких методов работы.

Самым быстрым и простым способом узнать, что находится внутри телля, является шурфование. В поверхности холма под различными углами выкапываются несколько траншей. По мере углубления траншей из них вынимают предметы, в частности керамику, позволяющие сделать датировки, и фиксируют на плане места, где были обнаружены остатки полов или фрагменты стен. Этот метод несовершенен и может применяться лишь при предварительной разведке или во время работы на относительно малозначимых памятниках. На высоких и узких теллях используется несколько иная разновидность шурфования – длинная траншея прорезается не наверху, а сбоку холма, от верхушки до основания (примерно так разрезают рождественский пудинг). Таким образом можно обнаружить впечатляющую стратиграфию, состоящую из множества различных слоев, хотя подобный способ не позволяет дать характеристику отдельным постройкам.

Другой метод, в теории идеальный, заключается в разделении поверхности телля на квадраты, каждый из которых раскапывается до определенной глубины, а затем этот процесс повторяют – копают до тех пор, пока не достигнут конца горизонтального слоя. Находки, сделанные в каждом отдельном квадрате и слое, нумеруются, а их местонахождение отмечается на плане. В ходе работы памятники постепенно обретают форму. Из-за продолжительности и дороговизны работы этот метод используется очень редко. Единственный пример его применения на Ближнем Востоке – раскопки города Библа (современный Джебейль), расположенного на территории Ливана, на берегу Средиземного моря, которые ведутся там с 1926 г.

Как правило, археологи используют метод, который можно назвать «расширенным шурфованием». На поверхности телля тщательно выбирают определенный участок, на котором выкапывают траншею. Как только показываются стены, археологи начинают «идти» вдоль них с обеих сторон, пока не раскапывают все здание. Таким образом поступают с несколькими участками, которые в итоге могут соединиться друг с другом. В случае необходимости археологи могут «пойти» глубже, чтобы изучить слои, находящиеся под расположенными сверху, а значит, наиболее поздними постройками, которые ученым приходится

разрушить, чтобы добраться до более древних сооружений. В одном или двух местах может быть сделан разведочный шурф, позволяющий составить представление обо всей стратиграфии холма. Некоторые части телля по необходимости оставляют нераскопанными, но это не так важно, если археологам удастся обнаружить основные здания, такие как храмы и дворцы, а также такое количество частных домов, которое позволяет делать какие-либо значимые выводы. С помощью этого метода были изучены (или продолжают исследоваться) Нимруд, Вавилон, Ур, Урук, Ниппур и все основные городища Ирака, и археологам, выполняющим эту работу, как правило, удается добиться неплохих результатов.

Датирова прошлое

Датировка обнаруженных памятников и артефактов может быть сделана с легкостью, а может оказаться задачей крайне сложной. Очевидно, здание, сложенное из кирпичей с клеймом «Дворец Саргона, царя Ассирии», можно датировать благодаря самому этому факту, при условии, что нам известно, когда правил Саргон. Но это скорее исключение. На подавляющем большинстве находок (и на всех, относящихся к доисторической эпохе), сделанных во время археологических раскопок, отсутствуют какие-либо надписи. В подобных случаях датировка может быть только приблизительной, «относительной». Для того чтобы установить, когда был создан тот или иной артефакт, изучают его форму, размеры и стилистические особенности. Опыт, накопленный в ходе раскопок многочисленных теллей, позволил археологам понять, что кирпичи определенного размера, сосуды той или иной формы или украшенные конкретными узорами, оружие, относящиеся к конкретным типам, и т. д. находят исключительно (или в основном) в определенных слоях. Вместе они образуют один культурный горизонт. Если хотя бы на одном из этих предметов присутствует «дата» либо если он найден неподалеку от памятника, датированного иным способом, или имеет с ним несомненную связь, то весь культурный горизонт может быть связан с определенным периодом. Когда это не удается, археологи пытаются соотнести время, когда использовались эти артефакты, с более ранними или поздними периодами. К примеру, на ряде памятников Южной Месопотамии, в слоях, расположенных непосредственно под культурным горизонтом, для которого, помимо всего прочего, характерны плосковыпуклые кирпичи (одна их сторона плоская, а другая – закругленная), и сразу над слоем, где преобладает простая керамика темного или красного цвета, находят расписные сосуды определенного типа (так называемую керамику типа Джемдет-Наср). Благодаря различным надписям ученые сумели отнести плосковыпуклые кирпичи к 3-му тыс. до н. э. (раннединастическому периоду, ок. 2800–2350 до н. э.). Простая керамика не датирована, но относится к культурному горизонту, названному «урукским» в честь памятника, где он впервые был обнаружен. Таким образом, для слоя, где находится керамика типа Джемдет-Наср, можно установить относительную датировку – данная культура существовала в период между урукским и раннединастическим периодами и закончила свое существование около 2800 г. до н. э. То, сколько продлилась эта эпоха, совсем другой вопрос, но, по крайней мере, у нас появляется возможность делать более или менее точные подсчеты.

При изучении истории важно представить датировки в виде цифр. Довольно интересно узнать, как это получается и в какой степени таким числам стоит верить.

Древние греки вели счет лет от первой Олимпиады (776 до н. э.), римляне – от основания Рима (753 до н. э.), мусульмане – от хиджры (622 н. э.), а у нас есть собственное христианское летосчисление. Однако у жителей Древней Месопотамии вплоть до позднего времени, когда они приняли летосчисление, использовавшееся Селевкидами (311 до н. э.), не было такой четкой системы хронологии. До этого они просто ссылались на годы царствования своих правителей. Делали они это с помощью нескольких способов:

1) просто обозначая год цифрами: «12-й год правления Набунаида (Набонида), царя Вавилона»;

2) каждый год правления каждого царя был назван в честь какого-либо важного события, например одержанной победы, свадьбы правителя, сооружения того или иного храма;

3) каждый год правления царя мог быть назван в честь сановника (эпонимного чиновника, или, как его называли ассирийцы, *лимму*).

Первая система датировки использовалась шумерами в глубокой древности и позднее, начиная с касситского периода; вторая – в новошумерский и раннеавилонский периоды; третья применялась только в Ассирии.

Жители Древней Месопотамии могли использовать эту систему летосчисления только в том случае, если у них был список названий лет правления каждого царя или эпонимов, а также перечень царей, входивших в каждую династию, с указанием продолжительности их правлений и, наконец, список династий, правивших в стране. Подобные перечни существовали, и, к счастью, некоторые из них сохранились до нашего времени. Приведем несколько примеров.

Список датировочных формул правителя Вавилона

Хаммурапи

(Год 1) Хаммурапи стал царем.

(Год 2) Он установил справедливость в стране.

(Год 3) Он изготовил помост под тронem бога Нанны в Вавилоне.

(Год 4) Была построена стена (священного участка).

(Год 5) Он построил эн-ка-аш-бар-ра (?).

(Год 6) Он построил шир богини Лаз (?).

(Год 7) Урук и Исин захвачены.

(Год 8) Страна Эмутбал (была завоевана).

Царский список Б, в который вошли представители

I Вавилонской династии

Суму-абум, царь, 15 лет.

Суму-ла-Эль, 35 лет.

Сабиум, его сын, тоже (царь), 14 лет.

Апиль-Син, его сын, тоже, 18 лет.

Син-мубаллит, его сын, тоже, 30 лет.

Хаммурапи, его сын, тоже, 55 лет.

Самсу-илуна, его сын, тоже, 35 лет, и т. д.

Перечень лимму (фрагмент)

Шульмануашаред, царь Ассирии, (поход) против Урарту (Салманасар).

Шамшиилу военачальник против Урарту

Мардукремани главный кравчий против Урарту

Беллишир государственный против Урарту
глашатай

Набуишдияукин *абаракку* против Иту'а

Панж-Ашшур-ламур *шакну*¹ против Урарту

¹ Наместник страны. (Примеч. пер.)

Промежутки времени, которые охватывали эти списки, разнились. В некоторых из них содержатся сведения только об одной местности или династии. В других, подобных приведенному выше Царскому списку Б, перечислялись представители нескольких династий, правивших, вероятно, одна за другой. Составители перечней, которые можно отнести к иной категории, были еще более амбициозны и приводили в них данные о представителях множества династий, правивших в нескольких государствах. К их числу относится знаменитый Шумерский царский список, в начале которого упоминаются мифические правители, жившие «до Потопа», а в конце стоит имя царя Синмагира (1827–1817 до н. э.), представителя I династии Исина.

Если бы Клавдий Птолемей, грек, живший в Александрии во 2-м тыс. до н. э., не поместил в свое сочинение в качестве приложения список всех правителей Вавилона и Персии от Набонасара (747 до н. э.) до Александра Македонского (336–323 до н. э.), мы не сумели бы соотнести даты, содержащиеся в царских списках, с годами, указанными в соответствии с христианским летосчислением. В этом перечне, так называемом Каноне царей, не только приведена продолжительность царствования каждого правителя, но и названы важные астрономические явления, происходившие в правление некоторых из них. Проанализировав несколько ассирийских табличек, мы можем восстановить длинный перечень *лимму*, живших в период, который начинается в правление Ададнирари II (911–891 до н. э.) и заканчивается царствованием Ашшурбанипала (668–631 до н. э.). В данном списке *лимму* также упоминаются основные астрономические явления, происходившие в этот период. В промежутке между 747 и 631 гг. до н. э. перечень *лимму* и Канон царей

Птолемея, как и содержащиеся в обоих этих источниках сведения о солнечных затмениях, передвижениях звезд и т. д., совпадают. Более того, астрономы доказали, что солнечное затмение, которое, согласно списку *лимму*, произошло на 10-м году правления царя Ашшурдана, в месяце *сиване* (май – июнь), действительно имело место 15 июня 763 г. до н. э. Именно к этой дате можно прийти, двигаясь назад во времени и прибавляя друг к другу периоды правления царей, указанных в перечне. Таким образом, мы можем точно определить абсолютную хронологию истории Месопотамии начиная с 911 г. до н. э.

Хронология истории более ранних периодов имеет под собой гораздо более шаткое основание. В теории ее вполне можно установить по царским и династическим спискам, но содержащиеся в них данные зачастую оказываются неверными. Они не только заметно отличаются друг от друга, но и содержат множество лакун, ошибок писцов. Кроме того, в них последовательно перечислены династии, царствования представителей которых в реальности частично или полностью накладывались друг на друга. Поэтому читателю не стоит удивляться, если в различных учебниках он увидит разные цифры или заметит, что авторы периодически изменяют свою точку зрения. Например, еще семьдесят лет назад считалось, что правитель Вавилона Хаммурапи взшел на трон в 2394 г. до н. э.; после Первой мировой войны исследователи отнесли данное событие к 2003 г. до н. э., а в настоящее время ученые придерживаются мнения о том, что оно произошло между 1848 и 1704 гг. до н. э. (конкретная датировка зависит от системы расчетов, принятой различными исследователями). Так как дата восхождения Хаммурапи на престол является ключевой и позволяет установить хронологию событий, происходивших в 3—2-м тыс. до н. э., ее «перенос» на более позднее время имел весьма важные последствия, особенно связанные с историей отношений Месопотамии с другими регионами.

Данную тему нельзя закрыть, не упомянув о том, что недавно были предприняты попытки снабдить хронологию Древнего мира более прочной научной базой, основанной на естественно-научных методах, в первую очередь на методе радиоуглеродного анализа, изобретенном в 1946 г. профессором У.Ф. Либби из Чикаго. Передавая его суть вкратце, отметим следующее: он основывается на том, что в составе всех живых существ присутствуют

атомы обычного изотопа углерода – ^{12}C и радиоактивного изотопа – ^{14}C , который образуется в верхних слоях атмосферы из-за воздействия космических лучей на азот, выпадает на землю и впитывается растениями и телами животных. На протяжении жизни существа соотношение изотопов ^{12}C и ^{14}C остается неизменным – одна миллиардная грамма последнего на каждый грамм первого. После смерти, когда изотоп ^{14}C больше не усваивается, его часть, еще остающаяся в организме, медленно распадается через одинаковые промежутки времени, превращаясь в азот. Так как нам известен период полураспада ^{14}C , составляющий 5730 лет, мы можем установить, когда именно прекратил свое существование организм, а значит, и его «возраст». Данный метод может использоваться только в отношении органических материалов (таких, как кость, дерево, уголь, раковины, тростник и т. д.), обнаруженных в ходе археологических раскопок, но его применимость ограничена рядом факторов, в частности «стандартным отклонением» (ошибками при расчете периода распада), и иными неизбежными ошибками. Это значит, что, несмотря на то огромное значение, которое данный метод имеет для истории первобытности, где отклонение на несколько столетий не так важно, он мало может помочь исследователям, пытающимся установить точную хронологию событий.

Археологические исследования в Ираке

Превращение некогда процветавших городов в телли произошло быстрее, чем кто-либо может подумать. Геродот в середине IV в. до н. э. еще видел Вавилон, но не захотел посетить Ниневию, разрушенную за полтора столетия до этого, а Ксенофонт, который вел 10 000 греческих наемников через Месопотамию в 401 г. до н. э., пройдя мимо столицы Ассирии, даже не заметил ее. Через четыре столетия, говоря о Вавилоне, Страбон называл его «почти полностью покинутым жителями» и лежащим в руинах.

Прошла тысяча лет. Чем выше становился слой песка над развалинами древних городов, тем больше стиралась память о них. Арабские историки и географы еще что-то знали о славном прошлом Ирака, но европейцы позабыли о Востоке. Странствия Вениамина Тудельского в XII в. и путешествия, предпринятые немецким ботаником Раувольфом четыре столетия спустя, были единичными эпизодами. Европейцы стали интересоваться восточными древностями только начиная с XVII в., когда итальянский аристократ Пьетро делла Валле весьма занимательно описал свое путешествие по Месопотамии и привез в Европу в 1625 г. кирпичи, найденные им в Уре и Вавилоне, «на которых были какие-то доселе неизвестные письмена». Наконец членов академий наук и власти предержащие осенило, что перед ними простирается непаханое поле, заслуживающее изучения. В 1767 г. король Дании впервые отправил на Восток научную экспедицию, чтобы ее члены собрали как можно больше информации, касающейся различных отраслей знания, в том числе археологии. Ее руководитель Карстен Нибур, математик по профессии, скопировал в Персеполе множество надписей, которые впоследствии были переданы филологам, вскоре расшифровавшим загадочное письмо. С тех пор почти все, кто посещал Восток или жил там, вносили свой вклад в изучение его руин, собирали древности и копировали надписи. Наиболее выдающимися среди них были Пьер де Бошам, прославленный французский аббат и астроном (1786), Клавдий Джеймс Рич, агент Ост-Индской кампании и британский генеральный консул в Багдаде (1807), сэр Джеймс Бэкингам (1816), Роберт Мигнан (1827), Джеймс Бейли Фрейзер (1834), а также Генри Кресвик Роулинсон (1810–1895), выдающийся офицер, спортсмен, первооткрыватель и филолог, вероятно величайший из всех. Также следует упомянуть по крайней мере одну экспедицию, проведенную в начале XIX в. и финансировавшуюся правительством, – Британскую тигро-евфратскую экспедицию (1835–1836) под руководством Ф.Р. Чесни, изу-

чившего течения обеих рек и собравшего огромное количество сведений о землях, лежащих вокруг них.

Только де Бошам и Мигнан сделали два небольших раскопа в Вавилоне, остальные из перечисленных исследователей занимались лишь визуальным изучением и измерением руин и вряд ли могли представить себе, что скрывается под этими безлюдными холмами. Однако в 1843 г. Поль Эмиль Ботта, итальянец по происхождению и французский консул в Мосуле, провел в Хорсабаде первые в Ираке археологические раскопки, обнаружил одну из столиц Ассирии и начал новую эру. Почти одновременно (в 1845 г.) англичанин, сэр Генри Лэйярд, последовал его примеру в Нимруде и Ниневии, и вскоре был раскопан целый ряд теллей. В 1877 г. Эрнест де Сарзек, французский консул в Басре, услышав, что в Телло (недалеко от Насрии) случайно было обнаружено несколько статуй, решил начать там раскопки и открыл один из шумерских городов. Таким образом, за 30 лет мир узнал о существовании прежде неизвестной цивилизации, образованные люди с удивлением выясняли, что в Месопотамии скрывается не меньше сокровищ, чем в Греции и Египте. Ботта, Лэйярд, Сарзек, Лофтус, Смит – все пионеры того героического периода были непрофессионалами в полном смысле этого слова. У них было мало опыта, отсутствовала методическая подготовка. Их основная цель заключалась в том, чтобы находить статуи, рельефы, надписи и предметы искусства в целом и отправлять все это в музеи своих стран. У этих людей не было времени на сырцовые кирпичи и разбитые горшки; они многое уничтожили и так мало сохранили. Однако они открыли дорогу и, несмотря на всевозможные трудности, работали с энтузиазмом, преодолеть который еще никому не удалось.

Тем временем в европейских библиотеках трудились не менее увлеченные, но более терпеливые пионеры, взявшие на себя выполнение фантастического задания – дешифровку текстов, в обилии стекавшихся в музеи. Мы не можем даже коротко пересказать здесь историю этого увлекательного интеллектуального приключения, продлившегося на протяжении по меньшей мере ста лет и потребовавшего от ученых нескольких национальностей всей их изобретательности. Однако мы считаем, что должны отдать дань уважения таким людям, как Гротефенд, преподаватель греческого языка в университете Гёттингена, сделавший первую серьезную и отчасти удачную попытку прочтения древнеперсидских клинописных надписей, скопированных Нибуrom в Персеполе; Роулинсон, который между 1835 и 1844 гг. не только под угрозой своей жизни скопировал длинную трехязычную надпись, вырезанную Дарием высоко на скале в Бехистуне, что на западе Ирана, но и начал переводить ее (эта надпись на древнеперсидском, вавилонском и эламском языках стала называться «Розеттским камнем ассириологии», с тем лишь отличием, что первые ее исследователи не могли прочесть текст ни на одном из этих языков); англичанин Эдвард Хинкс и его французский коллега Жюль Опперт, которые, наряду с Роулинсоном, заслужили право называться «святой троицей» изучения клинописи, так как именно им удалось преодолеть основные эпиграфические и лингвистические трудности и, как сказал один из их современных преемников, «открыли пыльные страницы глиняных «книг», погребенных по всему Ближнему Востоку». Начатая в 1802 г. дешифровка ассирийско-вавилонского языка (который теперь называется аккадским) завершилась в 1847 г., а к 1900 г. ученые уже могли читать тексты, написанные на другом языке Древней Месопотамии – шумерском. В настоящее время первый почти полностью нам понятен; в последнем пока еще имеются «темные пятна», но ученые читают на нем с все возрастающей уверенностью. По самым скромным подсчетам, в настоящее время в распоряжении историков имеется четверть миллиона табличек. Без всякого преувеличения можно утверждать, что ни в одной другой стране мира не было обнаружено такое количество древних текстов, сохранившихся до наших дней в том же виде, в котором они были написаны тысячи лет назад.

Немцы, которые стали участвовать в раскопках в Ираке в начале XX в., внедрили новый подход к археологическим исследованиям. Роберт Колдевей, работавший в Вавилоне (1899–1917), и Вальтер Андре, проводивший раскопки в Ашшуре (1903–1914), стали жестко, порой даже чрезмерно педантично придерживаться тщательно разработанной научной методики в сфере, где главную роль до этого играли удача и интуиция. Методы, разработанные немецкими исследователями, вскоре стали общепринятыми, благодаря чему двадцать лет, прошедшие между двумя мировыми войнами, стали наиболее значимым и продуктивным периодом в истории месопотамской археологии. Именно тогда Вулли проводил раскопки в Уре и на его знаменитом царском некрополе (1922–1934), Хайнрих вместе со своей командой работал в Уруке, Парро – в Мари, англичане – в Убейде, Ниневии, Арпачийе и Чагар-Базаре, а американцы – в Тепе-Гавре, Нузи и в долине реки Диялы. Совместно представители двух последних наций копали в Кише и Джемдет-Насре. Один за другим были изучены большие и маленькие телли. Ученые постепенно раскрывали их секреты и шаг за шагом постигали историю Древней Месопотамии. Теперь им стало известно о существовании там гораздо более древних, потрясающих культур, изучение которых позволило исследователям сделать выводы о том, каким образом в этой части света складывалась цивилизация.

В это время у иракцев сформировалось национальное самосознание. В Багдаде открылся собственный музей. Появились молодые иракские археологи, и раскопки не прекращались даже во время Второй мировой войны, когда они проводились в Укейре (1940–1941), Хассуне (1943–1944) и Аккар-Куфе (1943–1945). После войны к работе вернулись немцы (Ленцен), проводившие раскопки в Уруке, американцы (Хайнс и Мак-Коун), раскапывавшие Ниппур, религиозную столицу Шумера, и французы (Парро), работавшие в Мари, городе-государстве в среднем течении Евфрата. Маллоуэн по поручению Британского музея снова стал проводить раскопки в Нимруде, одной из столиц Ассирии, которые были «заморожены» на протяжении более чем семидесяти лет. Сетон Ллойд, Таха Бакир и Фуад Сафар возглавили экспедиции Иракского музея на трех еще неизученных памятниках: в Эриду, одном из наиболее почитаемых городов в Ираке, Хармале (в толще этого небольшого холма было обнаружено неожиданно большое количество текстов) и в Хатре, загадочной столице доисламского арабского государства.

Впоследствии к работе присоединились японцы, начавшие раскопки в Джазире, и датчане, изучавшие археологию долины реки Заб, что неудивительно – международное сотрудничество всегда было одной из важнейших составляющих археологии. Ко времени написания этой книги археологами были изучены все основные города Древней Месопотамии, а также ряд менее значимых поселений. В настоящее время своих исследователей ждет целый ряд теллей, тянущихся от Таврских гор до Персидского залива. Этого достаточно, чтобы снабдить работой несколько поколений археологов и специалистов по эпиграфике.

При изучении прошлого мы движемся от более позднего времени к более раннему: от ассирийцев к вавилонянам, затем к шумерам и неизвестным племенам, жившим на территории Ирака в 5–4-м тыс. до н. э., и теперь мы можем делать выводы о том, что представлял собой этот регион в эпоху каменного века. Несмотря на неизбежные пробелы в наших знаниях, наконец стало возможно написать всеобъемлющую историю Древней Месопотамии, начиная с тех далеких времен, когда люди, оставившие после себя скромные орудия труда из кусков кремня со сбитыми краями, свидетельствующие об их существовании, поселились на холмах и в пещерах Курдистана.

Глава 3

От жизни в пещере к земледелию

Еще двенадцать лет назад в учебниках и статьях в научных журналах ничего не говорилось о первобытном периоде истории Ирака. Археологи предпочитали работать на Месопотамской низменности, где находки доисторического времени, если они когда-то существовали, оказались погребенными под толстым слоем аллювиальных отложений. В нижних слоях нескольких теллей было обнаружено достаточно материала для того, чтобы историки сделали выводы о существовании пяти сменявших друг друга «протоисторических» культур. Данное открытие позволило ученым понять, на какой основе около 2800 г. до н. э. сформировалась шумеро-аккадская цивилизация, но все эти культуры относились к эпохам позднего неолита и халколита и просуществовали не более двух тысячелетий. О доисторическом периоде истории Ирака в прямом смысле этого слова, то есть о том, кто и как жил на этой территории в эпоху каменного века, ничего не было известно. В различных частях страны было обнаружено несколько фрагментов кремня, подвергшихся искусственной обработке, и еще в 1928 г. профессор Д.А.Э. Гаррод, женщина-археолог, получившая признание благодаря своим исследованиям первобытной эпохи в истории Палестины, посетила Курдистан и в двух пещерах неподалеку от Сулеймании обнаружила палеолитические артефакты. Однако эти находки привлекли внимание лишь незначительного числа профессионалов. Должно было пройти двадцать лет до того, как профессор Р.Дж. Брейдвуд обнаружил неолитическое поселение Джармо и вызвал к нему интерес, достаточный для дальнейшего изучения данной темы, которая прежде не удостоивалась внимания специалистов. Начиная с этого времени американцы проводили исследования в Барда-Балке, Палегавре и Карим-Шахире (1951), сотрудники Восточного института Чикагского университета работали в долине реки Заб (1954–1955), а доктор Р. Солецки начиная с 1951 г. сделал ряд поразительных открытий в пещере Шанидар, что позволило значительно расширить наши знания о далеком прошлом Ирака и заполнить весьма досадный пробел в истории первобытности Ближнего Востока.

Для того чтобы эти достижения месопотамской археологии были более понятны читателю, нужно сказать несколько слов о терминологии, используемой специалистами по первобытной истории.

Первый исторический период каменного века, палеолит, совпадает по времени с геологической эпохой, названной плейстоценом (для геологов это наиболее поздний, *pleistos*, этап в весьма продолжительной истории Земли). Во время плейстоцена, начавшегося примерно полмиллиона лет назад и закончившегося около 10 000 г. до н. э., произошли (по крайней мере, в Евразии и Северной Америке) четыре масштабных передвижения ледника, получившие название «ледниковых периодов», каждый из которых продлился на протяжении нескольких десятков тысяч лет. Друг от друга их отделяли три межледниковые эпохи, продолжавшиеся примерно столько же. Существует широко распространенная точка зрения о том, что, в отличие от Севера с его ледниковыми и межледниковыми эпохами, в тропических районах имели место плювиальные (во время которых шли сильнейшие дожди) и межплювиальные эпохи. Начало и окончание ледниковых и межплювиальных периодов были очень постепенными. Кроме того, сами эти эпохи перемежались с продолжительными промежутками времени, на протяжении которых царил относительно более теплый или сухой климат (межстадиалами). Для абсолютной датировки можно использовать ориентировочные цифры, предложенные профессором Ф.Э. Цейнером:

первый ледниковый период начался около 600 000 лет назад;

второй ледниковый период начался около 500 000 лет назад;
третий ледниковый период начался примерно 250 000 лет назад;
четвертый ледниковый период начался около 120 000 лет назад и завершился примерно в 20 000 г. до н. э.

На протяжении этих эпох люди уже существовали. Порой они жили на открытом воздухе, иногда находили прибежище в пещерах, питаясь дичью, добытой во время охоты, а также собранными ими плодами и корнями диких растений. Об этих людях мы знаем благодаря находке их скелетов, которые (если речь идет о наиболее древних останках) встречаются крайне редко и зачастую лишь фрагментарны, а также орудий труда и оружия, сделанных из камня, кости или слоновой кости. Специалисты по первобытной эпохе собирательно называют каменные орудия труда, найденные на одном памятнике, индустрией, а сходные индустрии образуют культуру. Каждая культура получила название в честь памятника, где впервые были сделаны связанные с ней находки.

Если не вдаваться в подробности, то можно говорить о существовании двух техник изготовления каменных орудий труда. При использовании первой от куска (ядрища) кремня или гальки откалывали фрагменты таким образом, чтобы он приобрел более или менее клиновидную форму. В итоге получалось орудие, которое исследователи называют рубилом или ручным топором. В ходе применения второй техники обработке подлежали отщепы, отделенные от ядрища (нуклеуса). С помощью аккуратных ударов им придавали форму скребков, ножей, резцов, проколов и т. п. Однако различия между культурой, носители которой предпочитали работать с ядрищами, и той, для которой характерно использование отщепов, скорее теоретические, чем реальные, так как на многих памятниках археологи в одном и том же слое находят и рубила, и орудия труда, сделанные из отщепов.

Эпоху палеолита можно разделить на три стадии: нижний, средний и верхний палеолит.

В эпоху нижнего палеолита, которая началась в первый ледниковый период, закончилась во время третьего межледникового периода и продлилась на протяжении 300 000–400 000 лет, в Европе существовали три основные культуры: абbevильская, клектонская и ашельская. Их носители в основном использовали рубила, а сами эти культуры отличаются друг от друга незначительными особенностями техник изготовления орудий труда, которые мы не будем здесь рассматривать. Судя по останкам, наиболее ранние носители этих культур внешне напоминали приматов, но на последних стадиях данной эпохи появились люди, мало отличающиеся от современных *homo sapiens*.

Технику обработки кремневых орудий труда, использовавшуюся людьми, жившими в эпоху нижнего палеолита, унаследовали носители леваллуазской и мустьерской культур, существовавших в период среднего палеолита (вторая половина третьего межледникового – конец четвертого ледникового периода). Эту эпоху можно назвать «классической» первобытностью, периодом господства пещерных людей, наиболее ярким представителем которых был в настоящее время вымерший звероподобный неандерталец.

Наиболее характерными чертами эпохи верхнего палеолита, начавшейся около 35 000 лет назад, являются возросшее разнообразие орудий труда и усложнение техник их изготовления (ориньякская и являющиеся ее разновидностями шательперонская и граветтская, солютрейская и мадленская культуры Западной Европы), увеличение числа изделий из кости и оленьего рога и появление магическо-эстетических тенденций, особенно ярко проявившихся на превосходных наскальных рисунках, найденных во Франции и Испании и сделанных носителями мадленской культуры.

Благодаря приобретенным им умениям полностью сформировавшиеся *homo sapiens*, бродившие по территории Евразии и Северной Африки в поисках пищи, научились изготов-

ливать множество разнообразных мелких орудий труда и видов оружия, и на основе индустрий эпохи верхнего палеолита сформировались культуры, наиболее характерным признаком которых является использование микролитической техники (капсийская в Африке, азильская и тарденуазская в Западной Европе) и которые существовали уже в эпоху мезолита, или среднего каменного века.

Наконец, начало неолитического периода, или нового каменного века, ознаменовано появлением земледелия и одомашниванием животных, революцией, которая произошла в Европе около 3000 г. до н. э., а на Ближнем Востоке – гораздо раньше.

Такова общая канва, в которую нам теперь следует вписать историю Ирака.

Палеолит в Ираке

Хотя в Таврских горах и Загросе заметны следы циклических оледенений, большой ледник, четырежды накрывавший территорию значительной части Евразии, так и не добрался до Ближнего Востока. Ирак оказался на стыке ледниковой и плювиальной зон, благодаря чему климатические изменения, происходившие в эпоху плейстоцена, сказались здесь не так сильно, как в других частях света. Как бы то ни было, они косвенно повлияли на его морфологические особенности. Из-за передвижений ледника изменялся уровень воды в Персидском заливе: когда ледник отходил, он поднимался, а когда наступал – снижался. Это, в свою очередь, повлияло на русла рек и их эродирующее действие. С другой стороны, периоды сильных дождей, размывавших почву, сменялись временем господства сухого климата, для которого характерно отложение на доньях рек ила и песка. По крайней мере в одной части предгорий Курдистана зафиксированы четыре подобных последовательных цикла, совпадающие по времени с двумя последними ледниковыми и межледниковыми периодами. Это сложно представить, но в истории Ирака были периоды, когда через пустыню текли широкие реки, Тигр и Евфрат не уступали Амазонке, а Заба и Дияла, объем воды в которых в десять раз превышал современный, формировали в горах Курдистана глубокие и широкие равнины. На протяжении большей части эры плейстоцена и расположенная на западе пустыня, и предгорья Ирака представляли собой поросшие травой степи и нагорья, где царил сравнительно умеренный и устойчивый климат и сложились весьма благоприятные условия для жизни доисторических людей.

Пока в Ираке не было найдено свидетельств существования там культур нижнего палеолита. Самые ранние следы присутствия на этой территории человека были обнаружены в 1949 г. доктором Наджи аль-Асилом, тогда генеральным директором Иракской службы древностей, в местечке Барда-Балка, расположенном почти в 2,5 км к северо-востоку от Чамчамала, между Киркуком и Сулейманией. Там вокруг мегалита неолитической эпохи на дневной поверхности были обнаружены палеолитические кремневые орудия труда. Шурфование, проведенное в 1951 г. двумя американскими исследователями, показало, что они были изготовлены на стоянке, которая в настоящее время погребена под слоем ила и галечника толщиной 0,9–1,5 м. Эти орудия труда представляли собой рубила, которым были придана сердцевидная или миндалевидная форма, и скребки, сделанные из отщепов. Кроме того, там были обнаружены известняковые чопперы, то есть гальки, с которых сняты один или два отщепа, благодаря чему их можно использовать в качестве скребков. Эта индустрия в значительной степени похожа на характерные для ашельской, тейякской (произошедшей от клектонской) и мустьерской культур. Она была датирована началом эпохи среднего палеолита, то есть относится к началу последнего ледникового периода (около 120 000 лет назад).

О следующем этапе развития культур периода среднего палеолита, для которого была характерна смешанная леваллуазско-мустьерская индустрия, мы знаем благодаря находке, сделанной мисс Дороти Гаррод в 1928 г. в нижнем слое пещеры Хазар-Мерд, находящейся

в 19,3 км от Сулеймании. Однако лучше всего мустьерская культура представлена в пещере Шанидар, в которой с 1951 г. Велись раскопки, возглавляемые доктором Р. Солецки из Мичиганского университета.

Пещера Шанидар представляет собой каменный заслон от ветра, расположенный на южном склоне гор Барадост, господствующих над долиной, где течет Большой Заб, недалеко от городка Равандуза. Зимой ее до сих пор используют пастухи-курды. Сделав раскоп в полу пещеры, доктор Солецки сумел углубиться на 13,72 м и обнаружить четыре культурных слоя. В слое Д, наиболее раннем и самом глубоком (8,53 м), были обнаружены расположенные друг над другом отложения с остатками очагов и пеплом, смешанными с костями и кремневыми орудиями труда. Данный факт свидетельствует о том, что пещера была населена на различных стадиях эпохи среднего палеолита. Из числа орудий труда были обнаружены проколки, скребки и сверла, весьма характерные для последнего этапа развития мустьерской культуры. Обнаруженные в пещере кости принадлежали быкам, овцам и козам, а значит, для данного региона был характерен умеренно прохладный климат. Кроме того, там были найдены многочисленные панцири черепах.

Особый интерес представляют четыре человеческих скелета, обнаруженные в слое Д. Первый из них, найденный в 1953 г., принадлежал шестимесячному ребенку, а останки троих взрослых были обнаружены во время сезона 1956/57 г. Кости ребенка и двоих взрослых находились в плохой степени сохранности, но череп четвертого – мужчины в возрасте примерно 35 лет – удалось восстановить достаточно точно. Для него характерны все признаки неандертальца: широкая кость, массивная челюсть с маленьким подбородком, скошенный лоб, мощные надбровные дуги. У нас имеются все основания для того, чтобы полагать: другие индивидуумы принадлежали к тому же виду. Доктор Д.Т. Стюард, изучавший эти останки, пришел к выводу, что рука одного из умерших, деформированная с рождения, была ампутирована с помощью грубого кремневого ножа. Вероятно, все эти люди погибли из-за падения с потолка пещеры огромных каменных блоков, хотя это произошло не в одно и то же время. Возраст трех скелетов составляет около 45 000 лет, в то время как четвертый, найденный в слое, расположенном ниже, мог жить примерно 60 000 лет назад.

Слой С пещеры Шанидар относится к эпохе верхнего палеолита. С помощью радиоуглеродного анализа угля, найденного в одном из очагов, удалось установить даты его начала и окончания – он начался более 34 000 лет назад, а завершился около 25 500 г. до н. э. Найденные там каменные орудия труда характерны для ориньякской культуры. Так как в пещере были обнаружены хорошо сделанные резцы необычной формы, доктор Солецки предложил называть эту индустрию барадостской в честь гор, в которых расположена пещера. В верхней части слоя С и почти во всем слое Б, лежащем непосредственно над ним, были обнаружены предметы, относящиеся к той же индустрии, но гораздо более мелкие (микролиты).

Эта поздняя ориньякская, или «продвинутая граветтская», культура представлена на нескольких палеолитических стоянках Северного Ирака. В частности, многочисленные небольшие округлые скребки, лезвия и маленькие ножи с сильно зазубренными краями были обнаружены мисс Гаррод в пещере Зарзи, неподалеку от Сулеймании, а также Б. Хоувом в пещере Палегавра, что 32 км к востоку от Чамчамала. Они также встречаются в различных пещерах, исследовавшихся профессором Брейвудом и его командой в 1954–1955 гг., особенно в Кайванской и пещере Барак, находящихся к западу и югу от Равандуза соответственно. Очевидно, по крайней мере некоторые из этих микролитов могли быть снабжены рукоятками и использоваться в качестве оружия для охоты на диких лошадей, оленей, коз, газелей, овец и кабанов, живших в этой местности, где было еще достаточно прохладно, но уже довольно сухо.

Люди, жившие в Ираке в эпоху палеолита, не находились в изоляции. Через Сирийскую пустыню, в различных местах которой были обнаружены артефакты каменного века, они

поддерживали связи со своими «сородичами», населявшими Сиро-Палестинский регион, и неудивительно, что кремневые орудия труда, найденные в обоих этих районах, имеют много общего. Местные обитатели также общались с жителями Анатолийского и Иранского нагорий. К примеру, в пещерах Шанидар и Хазар-Мерд были найдены артефакты, почти неотличимые от обнаруженных в пещере Биситун, расположенной в Западном Иране, и очень похожие на найденные в пещере Караин в Турции. В эпоху верхнего палеолита люди, жившие в пещере Шанидар, изготавливали некоторые орудия труда из обсидиана (вулканического стекла), ближайший источник которого находился в Армении, в районе озера Ван. «Переходя» от одной стоянки к другой, технологии изготовления каменных орудий труда добрались до Европы (конечно, если верить мнению некоторых исследователей о том, что ориньякская культура возникла на Ближнем Востоке). Местные особенности сохранились только в Иракском Курдистане благодаря его частично изолированному положению на краю Плодородного полумесяца. По мнению Р. Солецки, барадостская культура уникальна (по крайней мере, на Ближнем Востоке), а неандертальцы из пещеры Шанидар, хотя и жили позже своих сородичей с горы Кармель, не ассимилировались с *homo sapiens*, не превратились в них (в отличие от упомянутых выше древнейших жителей Палестины) благодаря эволюции. Наоборот, их внешний вид остался неизменным.

В заключение следует отметить, что солютрейская и мадленская культуры, в Западной Европе ставшие «преемницами» ориньякской и развивавшиеся в эпоху позднего палеолита, так и не «добрались» до Ирака, а значит, и любой другой части Западной Азии. Для этих регионов характерен непосредственный переход от ориньякской к микролитическим (мезолитическим) культурам, и эпоха мезолита являлась лишь небольшим шагом к неолитической революции.

Мезолит и неолит

Микролиты – небольшие орудия труда из кремня, которым придавалось множество разнообразных форм, – возникают на стадии развития человека, когда он становится достаточно умелым для того, чтобы выполнять множество различных сиюминутных задач, и умным, чтобы убивать дичь на расстоянии (с помощью стрел). На Ближнем Востоке микролитические культуры, очевидно, произошли от поздних ориньякских индустрий, причем этот процесс шел настолько постепенно, что определить, когда началась эпоха мезолита, для которой они характерны, почти невозможно. Если читатель хочет составить представление о датировках, то может ориентироваться на 10 000 г. до н. э. (судя по результатам радиоуглеродного анализа, к данному времени относятся самые поздние находки, сделанные в слое Б пещеры Шанидар), хотя эта дата более чем примерная.

Не менее трудно определить, когда закончился период мезолита. Согласно классической схеме, за ним должен следовать неолит, новый каменный век, но иногда отделить одну из этих эпох от другой крайне сложно. Начало периода неолита, завершившемуся, когда люди стали использовать металлы, положила революция, не связанная с появлением новых способов обработки камня, – человек начал добывать себе пищу с помощью совершенно других методов – выращивания растений и разведения животных. Неолитические земледельцы на протяжении долгого времени использовали микролиты. Более того, основываясь на имеющихся в нашем распоряжении данных, мы не можем точно определить, когда произошел переход от присваивающего хозяйства к производящему. Мотыгу вполне можно использовать не только для обработки почвы, но и для выкорчевывания деревьев, серп – для срезания как дикой, так и выращенной человеком пшеницы, зернотерки и терочки – для перемалывания как дикорастущих семян, так и минеральных красок. Кроме того, далеко не всегда можно выяснить, каким животным – диким или одомашненным – принадлежали

кости овец и крупного рогатого скота, которые находят археологи. Учитывая все обстоятельства, мы можем прийти к выводу о том, что лучшим критерием является наличие более или менее постоянного жилища, так как земледелие «привязывает» человека к определенному месту. Но и в данном случае порой сложно отличить сложенные из камня хижины охотников, для которых земледелие не было основным занятием, от жилищ полностью оседлых земледельцев.

Изучив источники, имеющиеся в нашем распоряжении, мы можем с определенностью утверждать лишь то, что неолитическая революция была постепенным процессом, на протяжении которого жители Ближнего Востока совершили несколько важных шагов в своем развитии, и произошла она около 7000 г. до н. э., гораздо раньше, чем где бы то ни было. Возможно, причина этого заключается в весьма благоприятных климатических условиях, сложившихся на Ближнем Востоке. К тому же данный регион является единственным во всем Старом Свете, где пшеница-двузернянка и ячмень растут в дикой природе. Ответ на вопрос о том, где именно было «изобретено» земледелие, остается ненайденным. На звание «самой древней из деревень» могут претендовать как иракские, так и палестинские поселения. Однако Ирак имеет определенное преимущество: на северо-востоке страны были обнаружены четыре поселения, расположенные недалеко друг от друга, на территории которых найдены артефакты, «иллюстрирующие» переход от мезолитической культуры к неолитической.

Первым из них стал слой Б пещеры Шанидар, в котором были найдены микролиты и орудия труда, изготовленные из обсидиана, «очень тонко и умело обтесанные», а также отбойники, терочники и зернотерки. При этом данная пещера является чисто мезолитическим памятником, где не было найдено свидетельств того, что ее обитатели занимались земледелием.

Второй памятник, Карим-Шахир, расположен почти в 10 км к востоку от Чамчамаля. Он занимает 0,8 га и состоит всего из одного культурного слоя, расположенного сразу под дневной поверхностью. Помимо кремневых орудий труда, относящихся к числу микролитов, археологами были обнаружены приспособления, которые могут свидетельствовать о том, что местные жители занимались земледелием. К их числу относятся кремневые лезвия серпов, каменные мотыги и терочники. Кроме того, по всей территории шла очень неровная вымостка из гальки, свидетельствующая о том, что в хижинах были полы, хотя археологи не сумели восстановить план данного поселения. Если Карим-Шахир был (как считают многие ученые) простой стоянкой людей, которые вели полукочевой образ жизни, для нас он может стать иллюстрацией того, как они жили на очень ранних этапах перехода к оседлости.

Более оседлая община земледельцев жила в Млефаате. Это небольшой холм рядом с дорогой, ведущей из Киркука в Эрбиль, где были найдены жилища в виде ям с крышей из веток, причем вокруг некоторых из них были сооружены стены из сложенных в кучу камней, а полы этих «домов» были выстланы галькой. Значительную часть орудий труда составляли каменные резцы и зернотерки.

От следующего поселения, Джармо, расположенного недалеко от Чамчамаля, Млефаат отделяет промежуток времени, продолжительность которого нам неизвестна. Археологические исследования в Джармо проводились профессором Р.Дж. Брейдвудом из Чикагского университета в 1948, 1950–1951 и 1955 гг. Искусственный семиметровый тель стоял на вершине очень крутого холма естественного происхождения и состоит из 15 слоев, расположенных один над другим. Для десяти из них характерно отсутствие керамики, что позволяет отнести их к эпохе докерамического неолита. Обитатели Джармо жили в квадратных домах, состоявших из нескольких помещений, построенных из спрессованной глины. В жилищах стояли очаги из ила и глиняные резервуары, расположенные ниже уровня пола.

Хозяева этих сооружений ели костяными ложками, шили с помощью костяных игл. Судя по находке каменных пряслиц, они умели ткать или плести изделия из льна и, возможно, шерсти. Эти люди использовали кремневые микролиты и сделанные из того же материала орудия труда обычного размера, обсидиановые лезвия. В частности, был обнаружен серп, лезвие которого сделано из кремня и прикреплено с помощью битума к деревянной ручке. Большинство крупных артефактов, таких как лезвия топоров, резцы, зернотерки, терочники, пестики и сосуды, найденные в помещениях, было вырезано из зачастую прекрасно обработанного известняка. Подобные орудия труда, наряду с обугленными зернами пшеницы и ячменя, являются неоспоримыми свидетельствами того, что жители Джармо занимались земледелием. Кроме того, 95 % костей, найденных на памятнике, принадлежит одомашненным животным: овцам, крупному рогатому скоту, свиньям и собакам.

Эти люди носили простые глиняные или каменные ожерелья, волнистые браслеты из мрамора и подвески из раковин, хоронили своих умерших под полами домов и изготавливали глиняные фигурки животных и изображения очень полной беременной женщины, «богини-матери», очевидно олицетворявшей таинственную силу плодородия. Первоначально докерамический период существования Джармо по результатам радиоуглеродного анализа ракушек улиток был датирован примерно 4750 г. до н. э., но проведенный впоследствии анализ угля позволил отнести его к более раннему времени, и профессор Брейдвуд датировал его примерно 6500 г. до н. э.

Таким образом, неолитическая революция, возможно важнейшее событие во всей истории, произошла в Северном Ираке по меньшей мере на 3500 лет раньше, чем в Европе. В предгорьях Курдистана, каждую зиму орошаемых дождями, приносимыми с Атлантики, жили люди, отказавшиеся от кочевой жизни охотников, во многом зависевшей от удачи и умений, и ставшие земледельцами, тесно связанными с небольшими клочками земли, регулярно дававшими им пищу. Они строили себе дома из глины; изобретали орудия труда, позволявшие им выполнять новые задачи; разводили овец и рогатый скот, которые стали для них постоянным источником мяса, молока, шерсти и кожи. В то же время развивались их социальные навыки, так как для того, чтобы заботиться о земле и защищать ее, необходима сплоченность. У каждой семьи, очевидно, был свой дом, ее члены возделывали отдельное поле, выращивали собственных животных и изготавливали свои орудия труда. Однако несколько семей собирались вместе, образуя поселение, общину, являющуюся основой общественной организации.

Позже происходили другие революционные явления: камень сменил металл, деревни превратились в города, которые объединились в государства, а те превращались в державы. Однако основа жизни – труд человека, поклоняющегося матушке-земле и подчиняющегося смене времен года, – с того далекого времени не изменилась.

Отсутствие в 10 из 15 слоев Джармо керамики свидетельствует о том, что в этом поселении обитали члены одной из наиболее примитивных земледельческих общин. Кроме того, оно делает его не похожим на другие неолитические поселения Западной Азии, так как почти во всех них была обнаружена керамика. Единственными примечательными исключениями из этого правила являются Чатал-Хююк в Анатолии и Иерихон, расположенный рядом с Мертвым морем, в 800 км от Джармо, где мисс Кэтлин Кеньон обнаружила большое поселение эпохи докерамического неолита с домами, сложенными из кирпича-сырца, и мощными городскими стенами из необработанных камней. Более того, Иерихон, очевидно, был «старше» Джармо (по крайней мере, если верны результаты радиоуглеродного анализа, на основании которых он был датирован примерно 6800 г. до н. э.). Однако у находок, сделанных на территории трех этих поселений, очень мало общего, и вряд ли можно говорить, что они каким-то образом влияли друг на друга. Таким образом, очевидно, что неолитическая

революция происходила в различных частях Ближнего Востока в разное время и наделяла каждый памятник рядом характерных только для него особенностей.

Первыми примерами последнего изобретения человека эпохи неолита стали фрагменты сосудов, найденные в верхних слоях Джармо, большие «корзины для зерна» из архаической Телль-Хассуны (см. следующую главу), «сосуды для молока», «емкости для лущения» и чаши из обожженной глины, обнаруженные в Телль-Матарре. Как и следовало ожидать, эти древнейшие сосуды имели исключительно утилитарное предназначение, были сделаны довольно грубо, плохо обожжены, были хрупкими и непривлекательными. Однако вскоре появилась огромная потребность в переносных глиняных сосудах, и восточные горшечники быстро усовершенствовали свои умения.

В то же время творческие способности, присущие искусству, созданному этими людьми, заставили их изобрести различные орнаменты. Лощеная, расписная, покрытая нарезным орнаментом керамика, вскоре появившаяся в большей части ближне- и среднево-сточных неолитических поселений, не всегда обладает высокими художественными достоинствами. Не является она и свидетельством заметного развития культуры. Но в то же время эти сосуды представляют огромный интерес для археологов и олицетворяют для них начало новой эры. Керамика с орнаментацией, которую проще идентифицировать и классифицировать, чем простую, играет в археологии такую же важную роль, как и окаменелости – в геологии. Она является отличительным признаком культур, существовавших в конце доисторической эпохи, и позволяет нам восстановить сложный «узор» из культурных связей и этнических передвижений, происходивших на протяжении всей последующей двухтысячелетней истории доисторической Месопотамии.

Глава 4

От деревни к городу

Таким образом, за 5000 лет до рождения Христа у подножия гор Загроса и в бассейне Тигра, что на севере Ирака, поселились неолитические земледельцы и скотоводы, жившие в небольших деревнях, в домах из спрессованной глины, использовавшие орудия каменного века, прибегавшие к магии каменного века и разделенные на немногочисленные общины, в которые входили члены одной семьи или «клана». Однако примерно через два столетия на этот раз в противоположной части Ирака, на юге долины Тигра и Евфрата, началась История. Именно тогда сложился сложный, высокоорганизованный социум. Территория была разделена между несколькими государствами, центрами которых служили относительно крупные города и во главе каждого из которых стоял бог, правящий с помощью выбранного им царька. Благодаря земледелию, основанному на использовании ирригационной системы, избыточного продукта было достаточно для того, чтобы прокормить жрецов, чиновников, писцов и ремесленников. Была изобретена письменность, которая стала использоваться в различных сферах жизни. Творения архитекторов, скульпторов и мастеров по металлу свидетельствуют, что их создатели были очень умелыми, порой даже блестящими мастерами. Общественной и частной жизнью управляла религия, сформировался внушительный пантеон, да и все хозяйство города-государства было связано с храмом его главного бога. Такова краткая характеристика шумерской цивилизации начала 3-го тыс. до н. э. Излишне говорить, что двадцать столетий, на протяжении которых она рождалась и развивалась, представляют для нас огромный интерес и заслуживают пристального внимания.

Мы не можем подробно рассказать о том, как проходил переход от неолита к следующей стадии исторического развития, так как имеющиеся в нашем распоряжении сведения все еще крайне малочисленны. В то же время нам известно, что он происходил в самом Ираке. Благодаря длившимся на протяжении сорока лет археологическим исследованиям была развенчана старая теория, согласно которой истоки шумерской цивилизации следует искать в какой-то далекой неизвестной стране, а в Месопотамию она попала уже полностью сформированной. Теперь мы можем соотнести каждую стадию ее развития с тем или иным этапом доисторической эпохи и прийти к выводу о том, что если некоторые свои черты эта цивилизация позаимствовала у иноземных захватчиков или получила благодаря культурному обмену, то другие ее качества уходят корнями в такое далекое прошлое, что их можно назвать изначальными. Подобно всем цивилизациям, шумерская сложилась в результате смешения множества различных элементов, а ее внешний облик во многом определила отливная форма, в которую они попадали.

Из-за отсутствия письменных источников мы не знаем названий существовавших в то время племен. Нам известно лишь то, что в начале исторической эпохи в Месопотамии жили носители языков, относящихся к двум разным языковым группам, – шумеры и семиты. Однако мы не можем сказать с уверенностью, когда они появились и какую роль играли в медленном и хаотичном процессе развития цивилизации. Все, что имеется в нашем распоряжении, – это археологические находки, которые являются весьма показательными, но почти не помогают нам узнать о происходивших в глубокой древности исторических событиях и передвижениях племен. В этой связи, лучшим из имеющихся в нашем распоряжении источников является керамика, так как она в изобилии встречается на всех памятниках и легко поддается классификации. Несмотря на то что изменение внешнего вида керамики может быть вызвано целым рядом причин и не обязательно свидетельствует о смене населе-

ния, использованный с определенной долей осторожности, этот критерий позволяет делать более или менее достоверные выводы о взаимоотношениях между различными культурами.

Не следует забывать, что древний, как и современный, Ирак не был изолированным. Он был подвержен воздействию со всех сторон света и, в свою очередь, мог оказывать влияние на окружающие территории. Найти ответ на вопрос о том, каким образом распространялось это влияние – посредством мирных торговых отношений или в результате военных походов и переселений различных этносов, крайне сложно. Мы можем сказать лишь то, что конец доисторической эпохи, очевидно, был временем значительной нестабильности на Ближнем Востоке. Несомненно, из-за того, что климат на этой территории становился все более засушливым, многие племена охотников были вынуждены покинуть горы и пустыни и поселиться (насильно, если это было необходимо) внутри «рогов» Плодородного полумесяца, где их ожидал более спокойный образ жизни.

Некоторые археологи называют продолжительный промежуток времени, к рассказу о котором мы приближаемся и на протяжении которого Месопотамия, если можно так выразиться, была беременна Шумером, протоисторическим периодом. Его можно разделить на пять этапов, для каждого из которых характерны свои археологические культуры. Все они названы в честь памятников, где эти культуры впервые были обнаружены. Перечислим их в хронологическом порядке:

- 1) хассуно-самаррский период;
- 2) халафский период;
- 3) убейдский период;
- 4) урукский период;
- 5) период Джемдет-Наср (его также нередко называют протописьменным периодом).

Как мы увидим ниже, в действительности эту классификацию нельзя применить к описанию ситуации, сложившейся во всем изучаемом нами регионе. Первые две культуры существовали только на севере, а две последние превалировали на юге. Кроме того, читатель должен понимать, что в действительности все было гораздо сложнее, чем описано в книгах, и что исследователи до сих пор спорят по поводу того, где протекает граница между урукским и протописьменным периодами. Среди них нет единого мнения даже о том, как следует называть последний из них. Но нам придется проигнорировать научные дискуссии подобного рода и сосредоточить свое внимание на поочередном описании периодов истории протоисторической Месопотамии.

Хассуно-самаррский период

Данный период назван в честь Телль-Хассуны, расположенной в 35 км к югу от Мосула. Археологические исследования проводились там в 1943–1944 гг. Иракской службой древностей под руководством Сетона Ллойда и Фуада Сафара. Там, на археологическом материке, были обнаружены грубая керамика и орудия труда, свидетельствующие о том, что в Телль-Хассуне, очевидно в палатках или хижинах (следы более капитальных сооружений обнаружены археологами не были), жила неолитическая община земледельцев. Однако над этим древнейшим поселением лежали пять слоев, где были обнаружены остатки более качественно построенных домов, площадь которых также оказалась больше (слои Ib – VI). По своим размерам, планировке и использовавшимся при их постройке материалам эти сооружения в значительной степени походили на те, что стоят в современных деревнях Северного Ирака. Вокруг двора располагались два блока, состоящие из шести-семи комнат. В одном из них жили, а второй использовался для приготовления пищи и хранения припасов.

Стены были сделаны из самана, а пол выровнен смесью глины и соломы. Зерно хранили в огромных емкостях из необожженной глины, закопанных в землю по самое горло. Хлеб пекли в куполовидных очагах, напоминающих современные тандыры. В этих домах были обнаружены ступы, кремневые лезвия серпов, каменные мотыги, глиняные пряслица и грубо сделанные статуэтки. В больших сосудах, хранившихся в домах, лежали кости умерших детей, а также крошечные чашки и горшки, с помощью которых покойные могли пить и есть в загробном мире. С останками взрослых, как это ни странно, обращались более вольно – их складывали в углах комнат, «бесцеремонно» сбрасывали в глиняные емкости или хоронили в каменных ящиках, причем без погребального инвентаря.

Все это напоминает Джармо, но наличие расписной керамики указывает на то, что жители Хассуны находились на более высокой ступени развития, и позволяет сравнивать этот памятник с раскопанными в других частях Ближнего Востока. Хассунскую керамику можно отнести к трем категориям, первую из которых археологи называли «архаической», вторую – «стандартной», а третью – «самаррской».

Архаическая керамика была найдена в слоях начиная с Ia и заканчивая III и представлена, во-первых, высокими сосудами грушевидной формы из грубой глины. Эти практичные сосуды исключительно утилитарного назначения встречаются почти во всех неолитических поселениях Западной Азии и не позволяют делать какие-либо выводы об их происхождении. Ко второму виду керамических изделий, входящих в эту категорию, относятся чаши, сделанные из более качественной глины. Их цвет варьируется от светло-желтого до черного или красного в зависимости от использовавшегося способа обжига. Их поверхность кажется лощеной благодаря тому, что мастер натирал ее костью или камнем. У нас нет никаких сомнений в том, что эти сосуды привозили в Ирак с запада, из района, расположенного между Турцией и Сирией (Сакчагёзю в горах Аманос, Мерсина в Киликии, «равнины Амур вокруг Антиохии»), где они встречаются в больших количествах. В-третьих, в Хассуне были найдены чаши и кувшины с лощеной поверхностью и простым геометрическим орнаментом, нанесенным красной краской. Эта архаическая расписная керамика, очевидно, происходит из Сиро-Палестинского региона, откуда она распространилась на восток. Аналогичные сосуды были обнаружены в Иерихоне и Мегиддо в Палестине.

Таким образом, перед нами пример взаимодействия между носителями различных культур, жившими на всей территории Плодородного полумесяца – от Мертвого моря до Тигра, наиболее активно происходившего вдоль Средиземного моря. Кроме того, черепа обитателей Хассуны, исследованные антропологами, как и найденные в Библие и Иерихоне, принадлежат длинноголовым представителям средиземноморской расы, что свидетельствует об однородности населения.

В то же время так называемая стандартная хассунская керамика, преобладающая в слоях IV–VI, является характерной для севера Ирака, ее производство имело исключительно местный характер. Небольшие участки сосудов украшены простым орнаментом, состоящим из прямых линий, треугольников, поперечной штриховки, нанесенных коричневой краской и/или каким-либо острым предметом, оставлявшим после себя неглубокие насечки. К этой категории керамики относятся шаровидные кувшины с прямыми горлышками и чаши с закругленным или ровным основанием. Все они сделаны из, очевидно, местного, но довольно грубого материала.

Однако в верхних слоях Хассуны неуклюжие изделия местных горшечников перемешаны с великолепными глиняными сосудами, которые выглядят несколько неуместно среди столь несовершенных «сородичей». Эта категория керамики получила название самаррской, так как впервые была обнаружена на доисторическом некрополе, расположенном под домами знаменитой столицы Аббасидов. И орнаментация, и формы этих сосудов прекрасно продуманы. Бледную, слегка шероховатую поверхность больших тарелок, место вокруг вен-

чиков острореберных чаш, горлышко и плечики больших горшков с закругленным туловом покрывает геометрический орнамент, расположенный аккуратными, выстроенными на одинаковом расстоянии друг от друга горизонтальными «лентами», или изображения скорпионов, птиц, рыб, антилоп и даже людей. Эти изображения весьма условны, хотя прекрасно сбалансированы и нанесены таким образом, что создается впечатление, будто они движутся. Люди, изготавливавшие и расписывавшие эти сосуды, несомненно, были превосходными художниками. Вероятнее всего, такую керамику привозили не с запада, а из региона, где с незапамятных времен умели делать превосходные сосуды, – из Ирана. Ограниченное распространение самаррской керамики свидетельствует о том, что ее привозили скорее немногочисленные группы бродячих ремесленников, чем захватчики. Дело в том, что находят ее только в долине, расположенной в верхнем течении Тигра, от Самарры до Ниневии, в Верхней Джазире (Телль-Халаф, телль Чагар-Базар) и в одном месте в долине Евфрата – напротив Абу-Кемаля.

Таким образом, скромная деревушка Хассуна стала превосходным примером процесса взаимодействия различных культур, повлиявшего на Ирак в эпоху неолита. Испытывавшие двойное влияние – с запада и востока и наделенные собственным чувством прекрасного, жители Месопотамии через промежуток времени, продолжительность которого нам неизвестна, сделали еще один шаг на пути культурного развития.

Халафский период

Второй период протоисторической эпохи назван в честь Телль-Халафа, большого холма, возвышающегося над рекой Хабур рядом с деревней Рас-эль-Айн, что на турецко-сирийской границе. Там перед Первой мировой войной немецкий археолог барон Макс фон Оппенгейм непосредственно под дворцом арамейского правителя X в. до н. э. обнаружил толстый слой, содержащий превосходную расписную керамику. Это открытие не было опубликовано вплоть до 1931 г. Тогда о доисторической Месопотамии знали совсем немного, и работа Оппенгейма «Расписная керамика» (Buntkeramik) вызвала массу споров. Однако через несколько лет в результате раскопок, проводившихся под руководством профессора М.Э.Л. Маллоуэна в Ниневии, Телль-Арпачийе неподалеку от Мосула и в телль Чагар-Базаре в Джазире, халафский период занял свое место в хронологии истории Месопотамии, и ученые смогли составить полное представление о связанной с ним археологической культуре.

Несмотря на то что орудия труда, найденные в Телль-Халафе, являются сугубо неолитическими, для халафской культуры характерен ряд новых и весьма показательных черт. Поселения ее носителей по своему размеру и внешнему виду все еще напоминали деревни, но мощные улицы в Арпачийе свидетельствуют о том, что его жители заботились о благоустройстве своего поселения. Их дома стали больше, чем в Хассуне, качество построек также возросло. Их продолжали делать глинобитными или складывать из самана, но появились первые сооружения из кирпича-сырца (по крайней мере, в бассейне реки Хабур).

Несомненно, наиболее выдающимися сооружениями, возведенными на протяжении этого периода, являются здания, названные толосами по аналогии с появившимися гораздо позже микенскими гробницами, которые они напоминают. В Арпачийе были обнаружены десять подобных сооружений, примерно по два на каждый археологический слой. Они представляли собой снабженные сводом глинобитные здания, внешне напоминающие ульи и стоящие на круглом каменном фундаменте диаметром примерно от 4 до 10 м. К некоторым из них примыкал длинный прямоугольный вестибюль, построенный из того же материала. В отличие от микенских гробниц месопотамские толосы возвышались над поверхностью земли. Кроме того, в них не было найдено ни костей, ни погребального инвентаря. Они оказались совершенно пустыми, из-за чего определить их первоначальное назначение

крайне сложно. Исследователи предложили несколько теорий, ни одна из которых не является достаточно убедительной. Их незначительное количество, расположение в центре поселения, аккуратность, с которой они возводились и перестраивались, а также наличие вокруг них votивных (посвятительных) предметов – все это свидетельствует о том, что эти здания играли крайне важную роль в жизни местной общины. Они могли быть местами поклонения или религиозными сооружениями.

С другой стороны, эти постройки также вполне могли оказаться светскими – неким подобием городской администрации, где собирались представители деревенской верхушки, чтобы принять то или иное важное решение. Так, в настоящее время в болотах Южного Ирака стоят высокие и, как правило, довольно красивые дома, сложенные из тростника. Они называются мудхифами и предназначены для той же цели.

Не меньший интерес, чем загадочные толосы, представляют артефакты небольшого размера, найденные в Арпачийе и на других памятниках. В частности, к их числу относятся подвески из стеатита различной формы и маленькие каменные диски с петлей на обратной стороне, на которых вырезаны прямые линии или крестообразный орнамент. Эти изделия, носившиеся, очевидно, на шнурке на шее, использовали в качестве личных печатей – их прикладывали к кускам влажной глины, которые затем прикрепляли к корзинам или пробкам сосудов. Пожалуй, это древнейшие из известных нам печатей – предшественницы цилиндрических печатей, весьма характерной и во многом крайне важной составляющей месопотамской цивилизации.

К числу других артефактов, характеризующих халафскую культуру, относятся каменные наконечники булавы, амулеты в форме головы или копыта быка либо двойного топора, а также терракотовые статуэтки, изображающие голубя или «богиню-мать». Последние, несомненно являющиеся наследием эпохи палеолита, приобрели ряд весьма характерных черт. Женщина, как правило, изображалась сидящей на корточках (возможно, таким образом мастер пытался показать, что она рождает), ее колени направлены вверх, а руками она обхватывает свои полные груди. Голова показана схематично – по сути, это бесформенный комок глины, но тело, покрытое нанесенными на него с помощью краски полосами и точками (вероятно, таким образом скульптор изобразил татуировки, украшения или предметы одежды), выглядит весьма натуралистично. Вероятно, эти статуэтки служили талисманами, которые должны были избавить женщину от опасностей, связанных с деторождением, или помочь ей зачать ребенка, а не изображениями богини.

В заключение стоит упомянуть керамику, которая сыграла в работе археологов и историков далеко не самую последнюю роль. Кажется поразительным, насколько носители халафской культуры превзошли в ее изготовлении своих предшественников. Без преувеличения можно сказать, что на протяжении данного периода ремесленники достигли такого уровня мастерства, к которому не сумели приблизиться ни те, кто жил раньше, ни их потомки, изготавливавшие керамические сосуды на протяжении всей долгой истории Месопотамии. Халафская керамика сделана без применения гончарного круга из качественной красно-коричневой глины, в процессе обжига она полировалась. Стенки сосудов, как правило, очень тонкие, а их форма весьма разнообразна (причем имеется целый ряд изделий, которым мастер придавал довольно смелую форму). Археологами были обнаружены округлые горшки с большими конусообразными горлышками, приземистые кувшины с выгнутым наружу венчиком, чаши, в том числе с ножкой, большие и глубокие «сливочки», с килевидным и угловатым профилем. Украшающим их орнаментам, возможно, не хватает движения, так хорошо переданного на самаррской керамике, но они обладают прекрасной формой, очень хорошо сделаны, и их внешний вид может доставить зрителю не меньше удовольствия, чем облик знаменитых персидских ковров. На кремовую или персикового цвета поверхность ангоба наносился плотный орнамент сначала черного и красного цвета, затем

– черный, красный и белый, покрывавший большую часть сосуда. Чаще всего встречаются треугольники, квадраты, «галочки», кресты, дуги и маленькие круги, хотя на керамике присутствуют и изображения цветов, сидящих птиц и припадающих к земле газелей. Наиболее характерными из всех орнаментов являются изображения двойного топора, мальтийский крест, имевший, очевидно, религиозное значение, и *букраний*, стилизованная голова быка.

Несмотря на очевидное иранское влияние, халафская керамика является продуктом исключительно местного производства. Впервые ее стали делать в Ниневии, откуда по караванному маршруту, ведущему к Средиземному морю через Хабур (Брак, Чагар-Базар, Халаф), Балих (Телль-Асвад), Евфрат (Каркемиш), Сирию, Киликию и даже Ликию, она распространилась на запад. Однако этим связи, которые поддерживали носители халафской культуры, не ограничивались. До того как исследователи поняли, насколько она древняя, некоторые из них считали, будто полихромная керамика, найденная в Телль-Халафе, имеет греческое происхождение. Это предположение, несомненно, ошибочно, хотя халафские сосуды имеют нечто общее с неолитической керамикой, изготовленной в континентальной части Греции. С другой стороны, сооружения, похожие на толосы, были обнаружены на Кипре (в Хирокитии), на Крите (на равнине Месара). В более позднее время такие здания возводились на Пелопоннесе (в Микенах). Кроме того, не является случайностью то, что такие культовые объекты, как изображение богини-матери и двойного топора, а также букраний, весьма характерны как для минойского Крита, так и для Анатолии до появления там хеттов. В чем заключалась причина этого: в миграции с Востока, единстве культуры или ее общем происхождении? Пока еще не пришло время, когда мы сможем ответить на эти вопросы.

Убейдский период

Просуществовав на протяжении нескольких столетий, халафская культура на самом пике своего развития внезапно сошла на нет. Очевидно, с запада Ирана на территорию Ирака пришли захватчики, передвигавшиеся одной или несколькими волнами и принешие с собой новую культуру, названную в честь Телль-эль-Убеида, небольшого местечка, расположенного всего в шести с небольшим километрах от Ура «халдейского». Этот факт весьма примечателен, так как теперь мы можем говорить не только о севере, но и о юге страны. Впервые Месопотамия предстает перед нами в виде культурной, а возможно, и политической общности.

В нашем распоряжении имеются свидетельства того, что южная часть Ирака была населена еще в халафский период. Результаты геологических и археологических исследований показали, что дельта Тигра и Евфрата сформировалась гораздо раньше, чем считалось прежде, в связи с чем нам следует пересмотреть предположение о том, что носители убейдской культуры переселились на равнину и стали жить на топких островках, «недавно появившихся из-под отступающих вод моря». К примеру, в 1937–1939 гг. немецкие археологи, работавшие в Уруке, нашли в находящемся неподалеку от этого города местечке под названием Хаджи-Мухаммад-Калай расписную керамику, материал и орнаментация которой отличались от характерных для убейдских сосудов. Следует отметить, что данное поселение было погребено под трехметровым слоем наносных отложений и появлялось из-под воды Евфрата только во время отлива.

Затем, в 1946–1949 гг. Иракской службой древностей в Эриду было сделано потрясающее открытие. Эриду (Абу-Шахрейн, что в 26 км к югу от Ура) являлся одним из наиболее почитаемых городов Древней Месопотамии, так как считался первой резиденцией Энки, бога подземных вод и одного из ключевых божеств шумерского пантеона. Руины города скрыты под невысокими холмами и песчаными дюнами, образовавшимися у подно-

жия сильно разрушенного зиккурата, или ступенчатой башни, построенного, судя по надписям на кирпичах, представителями III династии Ура примерно в 2100 г. до н. э. Под углом этого зиккурата Фуад Сафар и его команда обнаружили 17 храмов, возведенных в протоисторические времена друг над другом. Восемь храмов, расположенных сверху, представляют собой тщательно продуманные здания, относящиеся к урукскому и убейдскому периодам. Под ними находятся плохо сохранившиеся остатки храмов IX–XIV, в которых была найдена керамика, подобная обнаруженной в Убейде и Хаджи-Мухаммад-Калае. Еще глубже лежат храмы XV, XVI и XVII (от последнего сохранились только фрагменты стен).

Во многих отношениях древнейшие храмы не похожи на все сооружения, обнаруженные прежде на юге Ирака. Они состояли из одного довольно небольшого квадратного помещения, в котором стоял алтарь, обращенный в сторону входа. Они были сложены из кирпича-сырца удлиненной призматической формы, на которых остались глубокие отпечатки пальцев. Помимо всего прочего, в этих храмах была обнаружена керамика, по мнению специалистов очень похожая на найденную в Хаджи-Мухаммаде, но в то же время отдаленно напоминающая халафскую и самаррскую.

Таким образом, становится понятно, что люди жили здесь задолго до начала убейдского периода и каким-то образом были связаны с носителями существовавшей на севере халафской культуры. Другой неизбежный вывод заключается в том, что начиная с 4-го тыс. до н. э. и вплоть до исторической эпохи в том или ином поселении из века в век передавались одни и те же религиозные представления. Возможно, однажды глубокое шурфование, проведенное в Ниппуре, культовом центре Энлиля, второго важнейшего шумерского божества, даст те же результаты. Чем больше мы копаем, тем сильнее убеждаемся в том, что корни шумерской цивилизации уходят в очень далекое прошлое.

Характерным признаком убейдской культуры, как обычно, является расписная керамика. Ситуация с ней гораздо проще, чем с халафской, – она более грубая и гораздо менее привлекательная. Цвет глины, нередко слишком сильно обожженной, варьируется от светло-желтого до угольно-черного. Как правило, орнамент покрывает лишь часть сосуда. Хотя иногда встречаются изображения растений, животных и широкие, плавные кривые линии, которые можно назвать довольно изящными, в целом преобладают стандартные мотивы (треугольники, прямые или перекрещенные полосы, ломаные или волнистые линии), свидетельствующие, что художникам, расписывавшим эти сосуды, явно недоставало воображения. Хотя керамика изготовлена из глины весьма неплохого качества, судя по некоторым сосудам, они были сделаны на медленном гончарном круге, или «вертушке». У керамики впервые появляются носики и «висячие» ручки. К числу наиболее характерных сосудов относятся колоколовидные чаши, кувшины с округлыми ручками и двояковыпуклые сосуды с длинными носиками, напоминающие панцирь черепахи. Эту керамику (с учетом незначительных местных особенностей) археологи находят по всей территории Месопотамии, хотя, как и во всем, что относится к убейдской культуре, имеют место заметные различия между артефактами, сделанными на севере и на юге.

Словосочетание «глина и тростник» наиболее ярко характеризует убейдскую культуру, существовавшую на юге Ирака. Так как в этой части страны камень встречается редко, его использовали только для изготовления крупных орудий труда, лезвий и украшений. Все остальные артефакты, включая так называемые глиняные гвозди (в действительности, вероятно, они использовались в качестве пестиков), изогнутые глиняные серпы и даже топоры, тесла и ножи делались из терракоты. Большой популярностью пользовались глиняные статуэтки с изображением «богини-матери» – стоящей стройной женщины с похожей на змеиную головой с локоном, сделанным из битума. Также встречаются статуэтки, изображающие мужчин. Целый ряд (а возможно, и большинство) домов представлял собой хрупкие сооружения из тростниковых циновок, прикрепленных к деревянным опорам и иногда покрытых

слоем глины. Одна подобная хижина (точнее, отделенный двор со стоящим рядом с ним строением из кирпича, похожим на те, которые и в наше время можно увидеть в Басре и ее окрестностях), на удивление хорошо сохранившаяся, была обнаружена в Эриду, но кирпичи широко использовались для постройки более масштабных зданий.

Храмы Эриду, относящиеся к убейдскому периоду, сделаны из больших сырцовых кирпичей, положенных на глиняный раствор. Внутри их находится одна *целла*, которой придана форма вытянутого прямоугольника и в каждом углу которой расположены помещения меньшей площади. На одном конце *целлы*, напротив стены, была найдена низкая платформа, на которой, очевидно, стояла статуя божества, а на другом располагался кирпичный алтарь или стол для подношений. Снаружи стены были украшены небольшими выступами и нишами, куда попадал свет, благодаря чему покрытая слоем глины поверхность кирпичной стены не казалась столь однообразной. Этот орнамент имел неясное нам, но, несомненно, религиозное значение и на протяжении всей истории являлся неотъемлемой чертой почти всех месопотамских святилищ.

На севере складывалась другая картина. Здесь находился Тепе-Гавра, памятник, расположенный примерно в 24 км к северо-востоку от Мосула. Археологические раскопки на его территории проводила американская экспедиция в 1931–1938 гг. Внутри этого высокого и узкого холма были обнаружены 18 слоев, наиболее ранний из которых относится к халафскому периоду, а самый поздний датируется серединой 2-го тыс. до н. э. Убейдская культура представлена в слоях XIX–XII. В Тепе-Гавра не было хижин из тростника, все дома сложены из кирпича-сырца. С другой стороны, камень использовался довольно часто. Здесь во множестве встречаются каменные печати, столь редкие на юге. Теперь на них вместо орнамента в виде линий появились изображения животных и людей, вместе образующие некое подобие мифологических сцен. Впервые в незначительных количествах встречаются предметы, сделанные из металла. Их появление (подобные артефакты на других памятниках почти полностью отсутствуют), возможно, обусловлено близостью к источникам руды, расположенным в Армении, Азербайджане и на Кавказе.

Однако другие черты, характерные для памятников, найденных на севере, нельзя объяснить одним лишь географическим фактором. Так, если три храма, окружающие двор, благодаря чему образуется превосходное подобие акрополя, и найденные в Тепе-Гавра, в слое XIII, во многом похожи на аналогичные здания, обнаруженные в Эриду, два *толоса*, как и изображение сидящей богини-матери, выбиваются из этой картины.

Возможно, более важным является тот факт, что в Тепе-Гавра и Эриду существовали совершенно разные погребальные обряды. В Эриду, за пределами поселения, находился обширный некрополь, где останки взрослых и детей лежат на спине, в вытянутом положении, в могилах, обложенных и покрытых кирпичом. Большинство погребений в Тепе-Гавра представляет собой простые могилы, выкопанные вокруг храмов. Покойные в них лежали на боку, в скорченном положении. Детей хоронили в сосудах. Данный факт, помимо всего прочего, позволяет нам сделать вывод о том, что носители убейдской культуры на севере были в меньшинстве. Завоеванные, но не истребленные, потомки носителей халафской культуры, очевидно, все еще составляли значительную часть населения, в то время как на юге доминировала убейдская культура. В следующей главе речь пойдет о том, как разрыв между севером и югом стал постепенно расширяться и каким образом юг стал играть ключевую роль в формировании цивилизации.

Хотя эти региональные особенности и были заметны, они не привели к тому, что убейдская культура перестала быть однородной. Привезенная изначально, очевидно, в дельту Месопотамии, она стала распространяться по течению рек и была перенята жителями Джазиры, Северной Сирии и даже Киликии. Границами ее распространения стали горы Тавра и Загроса, но и они не были непреодолимыми преградами для торговцев. О

том, что торговля действительно велась, и о ее масштабах свидетельствуют находки в Тепе-Гавра металлических изделий, а в Уре – амазонита, полудрагоценного камня, встречающегося только в Индии. Несмотря на то что на южной равнине использовали простую систему резервуарного орошения, пищи было достаточно, чтобы прокормить население, численность которого быстро увеличивалась. Новые поселения, которых появилось очень много, строились на берегах рек или их притоков, а друг с другом их связывали водные маршруты (об этом свидетельствуют глиняные модели лодок, найденные в Уре и Эриду). Так как слой убейдского периода на большинстве памятников оказывался в самом низу тестовых шурфов, мы не можем делать выводы о том, что представляли собой эти поселения – деревушки, деревни или даже небольшие города. Однако тот факт, что из них впоследствии «выросли» основные города Шумера, весьма примечателен сам по себе.

Другой факт позволяет нам делать еще более далекоидущие выводы. Самым большим и хорошо построенным зданием из всех сооружений, стоявших в убейдской деревне, был храм. Более того, одни и те же религиозные обычаи соблюдались в одной местности начиная с убейдского периода и вплоть до раннего исторического периода, то есть на протяжении почти тысячи лет. Таким образом, шумерский город разрастался вокруг святилища, а не дворца. По всей вероятности, храм уже стал основой, базируясь на которой развивались хозяйство и общественная жизнь. Говоря о столь древних временах, мы еще не можем произносить слово «шумеры», но должны признать, что именно в убейдский период была заложена основа для последующего развития шумерской цивилизации.

Глава 5

Рождение цивилизации

Как читатель, наверное, уже заметил, говоря о протоисторической эпохе, мы старались не приводить абсолютные датировки. Причина этого заключается в том, что до тех пор, пока в нашем распоряжении не окажутся более или менее точные результаты радиоуглеродного анализа, выводы о хронологии нам придется делать, основываясь на столь ненадежных данных, как толщина стратиграфических слоев и продолжительность среднего промежутка времени, в течение которого культура может развиваться и сойти на нет. Проведя очень грубые подсчеты, можно предположить, что хассунский и халафский периоды длились на протяжении всего 5-го тыс. до н. э., в то время как убейдская эпоха, оказавшаяся довольно продолжительной, насчитывает первые шесть или семь столетий 4-го тыс. до н. э. Однако сопоставление имеющихся в нашем распоряжении данных о последних этапах протоисторического периода со сведениями, полученными в ходе изучения истории Палестины и Египта, несколько облегчает нашу задачу и позволяет привести следующие примерные датировки:

Урукский период 3300–3100 гг. до н. э.

Протописьменный период 3100–2800 гг. до н. э.

На протяжении этих пятисот лет развитие культуры, которое прежде шло довольно медленно, заметно ускорилось, и наконец шумерская цивилизация достигла своего расцвета. Однако это произошло только на юге Ирака. Северная часть страны пошла по другому пути и, хотя и не была полностью «варварской», во многом отставала от южной. Последняя получила преимущество по нескольким причинам. Выше уже говорилось о том, насколько незначительным было влияние убейдской культуры на севере, и вполне возможно, что крестьяне, жившие в верхнем течении Тигра, были более консервативны и меньше стремились к прогрессу, чем те, кто обитал в нижнем течении Евфрата. С другой стороны, реки и каналы в некоторой степени защитили юг Ирака от опустошительных набегов кочевников и горцев.

Однако решающим фактором стали те огромные совместные усилия, которые нужно было приложить для создания и поддержания системы искусственного орошения, так как для этого необходимо наличие (по крайней мере, на региональном уровне) властных структур, координирующих работу, что довольно рано могло привести к сосредоточению власти и богатства в немногочисленных руках и всего лишь в нескольких точках. Одни деревни стали более значимыми и богатыми, чем другие. В их храмах, очевидно уже начавших контролировать всю хозяйственную жизнь, собиралась та часть населения, которая жила для них и благодаря им, – всевозможные жрецы, а также «кладовщики», смотрители, охранники, бригадиры, архитекторы, каменотесы, плотники, жестянщики, горшечники, резчики по камню и т. д. В итоге эти деревни быстро выросли в города. Таким образом, общество Южной Месопотамии перестало быть сельским и превратилось в городское, в котором поощрялись искусство и технический прогресс. Географический фактор, приведший к тому, что жить на юге было труднее, чем на севере, в то же время сделал юг более цивилизованным. Кстати, подобные процессы проходили не только в Месопотамии: древнейшие цивилизации Египта, Индии и Китая также зародились в широких долинах во многом благодаря системам ирригации.

Превращение деревни в город в Ираке совпало с появлением керамических сосудов новых форм, изобретением гончарного круга, появлением цилиндрических печатей и некоторыми другими изобретениями, наиболее важным из которых стало появление незадолго

до 3000 г. до н. э. письменности. Эти перемены оказались настолько значительными, что, по мнению некоторых исследователей, их причиной могло стать только вторжение извне. Даже если допустить теоретическую возможность существования таких захватчиков, кажется крайне странным, что нам о них известно так мало. Ответы на вопросы о том, где находилась их родина, насколько велика была их численность, по какому маршруту они шли, и о том, что представляло собой это завоевание, так и не были найдены или являются предметами ожесточенных споров. С другой стороны, детальное изучение общественной организации показывает, что в ней не произошли какие-либо значительные перемены. Архитектура и религиозные обряды также остались прежними. Таким образом, мы имеем дело не с внезапной революцией, а с последним этапом эволюционного процесса, начавшегося в Месопотамии за несколько столетий до этого.

Культура, возникшая в этих новых условиях, известна лишь по нескольким памятникам, расположенным на юге Ирака. Наиболее значимым из них является Урук, в честь которого она и была названа. Поэтому урукскую культуру следует изучать, опираясь на находки, сделанные в самом этом городе.

Урукская культура

Обширные руины Урука (библейского Эреха, современной Варки), способные произвести впечатление на самого искушенного путешественника, лежат в пустынной местности примерно на полпути между Багдадом и Басрой, недалеко от небольшого арабского городка Эс-Самавы. В древности покровителями Урука были два могущественных бога: бог неба Ан (или Ану) и богиня любви Инанна, более широко известная под своим семитским именем – Иштар. Посреди руин, вокруг зиккурата из кирпича-сырца, стоит храм богини Э-Анна («Дом неба»), обширный комплекс строений и дворов, который постоянно перестраивался и расширялся, начиная с доисторических времен и заканчивая периодом владычества Ахеменидов. Более скромный храм бога Ану находится в другой части города. В основном в этих двух районах немецкие археологи, проводившие в Уруке-Варке раскопки с 1928 г., перед войной сделали находки, позволившие говорить о существовании урукской культуры, – храмы, керамику, цилиндрические печати и таблички.

Древнейшие храмы Урука в плане очень напоминали те, что строились в убейдский период в Эриду и были описаны выше: у них были фасады с подпорками, вытянутые *целлы*, окруженные небольшими помещениями. Наличие дверей в длинной стене также свидетельствует об устойчивости архитектурных традиций, как и, возможно, религиозных представлений и культа. В Э-Анне были обнаружены шесть подобных святилищ. В трех последовательных слоях они были расположены попарно, на основании чего профессор Х. Ленцен пришел к выводу: эти помещения были посвящены не только Инанне, но и ее супругу – богу плодородия Думузи. Наиболее примечательными оказались нижние слои, где были обнаружены огромные храмы, один из которых, построенный на известняковом основании, в длину превышал 79 м, а в ширину – 30 м, а также необычные «мозаичные здания». Последние состояли из большого двора, расположенного между двумя святилищами с портиками, которые поддерживали два ряда массивных колонн из кирпича-сырца (диаметр каждой составлял почти 2,5 м). Стены, окружавшие двор, колонны и платформа, на которой они стояли, были полностью покрыты разноцветным геометрическим орнаментом, выложенным основаниями терракотовых конусов длиной от 7,6 до 10,2 см, раскрашенных черной, красной и белой краской, а затем вдавленных в глиняную штукатурку. Этот оригинальный и очень эффектный способ орнаментации архитектуры получил широкое распространение в течение урукского и последующего протописьменного периодов. Отвалившиеся глиняные конусы до сих пор можно найти на руинах Варки. Цвета потеряли яркость, но не нужно иметь слишком

живое воображение, чтобы представить себе, как блестел новый мозаичный фасад в свете яркого восточного солнца.

Это превосходное чувство цвета прослеживается и в настенных росписях. Один из древнейших храмов Э-Анны, так называемый Красный храм, своим названием обязан покрывавшему его стены розовому пигменту. Иракская служба древностей проводила в 1940–1941 гг. в Телль-Укейре, в 80 км к югу от Багдада, раскопки храма урукского периода, украшенного росписями, которые в момент обнаружения «были такими же яркими, как и в день своего создания». На них были изображены процессия (к сожалению, это изображение было повреждено) и два присевших леопарда, охраняющие трон неизвестного божества.

Следует отметить, что все эти храмы, подобно святилищам убейдского периода в Эриду, стояли на невысоких кирпичных платформах. Однако со временем платформы становились выше, и постепенно они начали превосходить по размеру сами храмы. Весьма вероятно, что именно благодаря этому появились столь характерные для месопотамской цивилизации в историческую эпоху зиккураты, ступенчатые башни, наверху каждой из которых располагалось святилище. Эта тенденция прекрасно прослеживается по храму Ану в Уруке, где один над другим стояли шесть храмов, последний из которых был снабжен поистине монументальной платформой, возвышающейся на 15,3 м над поверхностью земли. Наверху этой платформы находятся руины святилища, относящегося к поздним стадиям урукского периода, так называемый Белый храм. Путешественник, оказавшийся внутри этих стен, никогда не забудет чувства, охватившие его там, где 5000 лет назад проводили ритуалы жрецы бога неба.

Эти величественные сооружения, казалось бы, затмевают другие произведения искусства, хотя оттиски печатей урукского периода сами по себе являются маленькими шедеврами. К этому времени печати, существовавшие в более ранние периоды, почти полностью были вытеснены цилиндрическими печатями. Они представляли собой небольшие цилиндры из простого или полудрагоценного камня, длина которых варьировалась от 2,5 до 7,6 см, а по ширине они не отличались от пальца или карандаша. В каждой из них была проделана сквозная дырка, через которую можно было продеть шнур, чтобы носить печать на шее. На ее поверхности был вырезан орнамент, который, прокатывая печать по глиняной поверхности, можно было повторять до бесконечности. Эти древнейшие цилиндрические печати уже были сделаны с большим мастерством, а сами орнаменты, начиная от изображений животных и заканчивая сценами из повседневной жизни или из мифов, были составлены с удивительной искусностью. Однако эти печати имеют гораздо большую, чем просто художественная, ценность, так как являются единственными артефактами урукского периода, содержащими изображения людей и позволяющими судить о том, чем те занимались. Например, печать, на которой изображено убийство пленников, свидетельствует о том, что в те далекие времена велась война, в то время как часто встречающееся изображение стад скота, собранного вокруг своего загона или подвергнутого нападению львов, рассказывает об основных занятиях местных жителей. Нередко на печатях мы видим изображения загадочных ритуалов, совершаемых обнаженными жрецами. Перед нами одни из самых ранних источников, которые могут оказаться полезными для ученых, специализирующихся на всех периодах истории Месопотамии.

На первый взгляд кажется странным, что чувство прекрасного, столь ярко отразившееся в архитектуре и изделиях каменотесов, почти не было присуще горшечникам. Из всей керамики урукского периода, как правило не покрытой росписью, глаз могут порадовать лишь несколько угольно-черных, сильно лощенных фрагментов и осколки, возможно, покрытых красным ангобом сосудов. Остальные – простые или покрытые серым ангобом и лощеные – приводят в уныние. Чашки с ручками, кувшины или бутылки с длинными, обычно изогнутыми носиками, очевидно, представляют собой попытки воссоздать из глины

металлические изделия, но в целом сосуды этого периода сложно назвать изящными. Возможно, упадок некогда процветавшего искусства связан с распространением бронзовых и серебряных сосудов, а также изобретением гончарного круга, благодаря которому стало возможным массовое производство. Однако не следует исключать и вероятность того, что эта керамика была завезена в Месопотамию торговцами или завоевателями.

В урукский период появилось и еще одно изобретение, по своему значению превосходившее гончарный круг, цилиндрические печати и мозаику из глиняных конусов; было сделано эпохальное открытие, сравнимое с появлением земледелия в эпоху неолита. Ближе к концу этого периода в храмах Э-Анны в Уруке была изобретена письменность – пиктографические знаки, наносившиеся на глиняные таблички.

Изначально письменность, использовавшаяся в Месопотамии и известная нам как клинопись, как и все примитивные системы письма, возникшие в прошлом и существующие сейчас, представляла собой собрание маленьких упрощенных рисунков – пиктограмм. Древнейшие тексты, найденные в Уруке и на территории других городищ, слишком сложны для того, чтобы быть первыми попытками людей зафиксировать свои мысли. Вполне вероятно, что первые пиктограммы наносились на дерево, кожу животных или листья. Но во влажной почве Ирака эти материалы давно уже разложились, и единственные источники, имеющиеся в нашем распоряжении, записаны на глине. Сам процесс письма был очень простым. Писец брал кусок качественной, хорошо отмученной глины и придавал ей форму небольшой ровной «подушки» площадью в несколько квадратных сантиметров. Затем остро заточенным концом тростникового стебля он разбивал обе стороны получившейся подушки на квадраты, каждый из которых заполнял знаками. После этого «табличку» обжигали или оставляли необожженной. Обожженные таблички по прочности не уступают камню; необожженные рассыпаются в руках, но, если их осторожно взять, аккуратно высушить в тени и поместить в печь, они почти не поддаются разрушению.

С течением времени месопотамская письменность перестала быть пиктографической. Знаки стали располагать горизонтальными строками, а не помещать в квадраты или вертикальные полосы. Они стали более компактными, строгими, «идеализированными» и, наконец, почти перестали напоминать изображавшиеся с их помощью предметы. Изгибы, которые было так неудобно наносить на глину, исчезли, уступив место прямым линиям. Сначала их ширина была одинаковой, но затем, когда начали использовать стило призматической формы, его сначала погружали в глину, а затем проводили линии, из-за чего знаки стали частично треугольными или клиновидными. Эта эволюция завершилась к середине 3-го тыс. до н. э., когда и появилась письменность, которую мы называем клинописью. Правда, следует отметить, что и позднее в ней происходили незначительные изменения, благодаря которым специалисты могут датировать тот или иной текст с той же точностью, как и археологи – керамику.

Древнейшие тексты, имеющиеся в нашем распоряжении, написаны на шумерском языке. В основном он был моносиллабическим, а письмо, как и в случае с китайским, основывалось на следующем принципе: один предмет или идея = один звук = один знак. Поэтому первые пиктограммы были крайне многочисленны (их насчитывается более 2000). Некоторые из них обозначают предметы, которые легко узнать, – сельскохозяйственные орудия, сосуды, лодки, головы животных или части человеческого тела, в то время как другие были условными. Однако из-за того, что абстрактные идеи сложно выразить графически, одна пиктограмма, как правило, использовалась для обозначения нескольких слов, а значит, читать ее также можно по-разному. К примеру, слово «нога» обозначало не только саму ногу (*ду* шумерски), но и идеи, имеющие отношение к ноге, такие как «стоять» (*губ*), «идти» (*гин*), «приходить» или «приносить» (*тум*). Соответственно, для обозначения некоторых понятий, не связанных между собой по смыслу, но произносившихся с помощью одного и того же

звука, использовался один и тот же знак. Так, изображение лука применялось для обозначения слова «стрела» (*ти*), а также слова «жить» (*ти*, *тил*). В классическом шумерском языке правильное чтение знака обычно определялось с помощью контекста либо других знаков, называемых фонетическими дополнениями, или детерминативами. Однако в древнейших текстах нет ничего подобного. Более того, знаки ставились в порядке, кажущемся нам хаотичным, и некоторые из них использовались только в самые ранние периоды, а затем от них отказались, из-за чего нам неизвестно их звучание. По этой причине мы не можем читать пиктографические таблички. Мы в состоянии говорить лишь о том, что тексты, вырезанные на этих табличках, содержат все признаки хозяйственных – это списки работников, товаров, квитанции и т. д. Однако они не могут поведать нам о том, о чем мы так хотим узнать, – о событиях, происходивших на протяжении урукского периода.

Протописьменный период

В 1925 г. в Джемдет-Насре, находящемся между Багдадом и Вавилоном, выдающийся английский ассириолог Стивен Лэнгдон обнаружил весьма примечательную керамику, в основном большие толстостенные кувшины, украшенные геометрическими орнаментами или изображениями растений и животных, нанесенными черной и/или красной краской прямо по светло-желтой поверхности сосуда. Впоследствии керамику типа Джемдет-Наср находили (всегда в незначительных количествах) на территории других городищ Южного Ирака, благодаря чему она стала признаком, по которому тот или иной слой относили к последней стадии доисторической эпохи – так называемому периоду Джемдет-Наср. Однако впоследствии исследователи пришли к выводу, что вряд ли, основываясь на находке нескольких горшков, можно судить о существовании целой культуры и что если и нужно провести разделительную черту, то в качестве ее гораздо лучше использовать изобретение письменности. Так возник термин «протописьменный», предложенный исследователями, входившими в чикагскую школу востоковедов, и принятый многими учеными.

Мы будем говорить не о культуре, а о периоде, так как между урукской культурой и характерной для протописьменного периода нет ощутимой разницы – лишь незначительные стилистические и качественные отличия. Развалины сооружений этого периода немногочисленны, но позволяют сделать вывод об отсутствии значительных изменений в планировке и орнаментации храмов, хотя основной акцент начали делать на платформы, а орнаменты из конусов стали наносить не по всей поверхности стен, а в виде панелей. На цилиндрических печатях изображали те же религиозные мотивы и сцены из повседневной жизни, хотя появилась тенденция к их условности и шаблонности. Письменность начала использоваться все чаще, но пиктограммы стали менее многочисленными и реалистичными и нередко применялись только для обозначения соответствующих звуков. Подавляющее большинство керамических изделий похоже на нерасписную керамику урукского периода, а «сосуды культуры Джемдет-Наср», сделанные под явным иранским влиянием, могут быть не чем иным, как проявлением локальной кратковременной моды. Колесо и плуг, изображенные на табличках, несомненно, были изобретены ранее. Каменные и металлические сосуды также, очевидно, стали результатом развития местной традиции. Если рассматривать всю материальную культуру этого времени в совокупности, то можно прийти к выводу, что единственным вкладом в развитие искусства, сделанным людьми, жившими в данный период, стала скульптура.

Скульптура, прежде почти неизвестная, появилась внезапно, вскоре достигла высочайшего уровня развития, причем свое мастерство скульпторы применяли на множестве различных предметов. На каменных сосудах, чашах и бассейнах, настенных плакетках и на задней части сохранившихся немногочисленных печатей-штампов в виде рельефов или круглой скульптуры вырезаны изображения львов, нападающих на быков, убивающих их героев,

злых кабанов, мирно пасущихся овец и баранов. Также к этому времени относятся наиболее ранние votive статуэтки верующих, столь широко распространенные в Шумере исторической эпохи. Довольно грубо сделанная базальтовая стела, которая была найдена в Варке и на которой изображены двое бородатых мужчин, убивающих львов с помощью луков и стрел, является родоначальницей ассирийских рельефов со сценами охоты.

В то время как качество всех этих артефактов оставляет желать лучшего, в Уруке были сделаны две находки, которым нет равных среди всех творений человеческих рук того времени. Первая из них – это 90-сантиметровый алебастровый сосуд, украшенный превосходным барельефом, на котором изображена богиня Инанна, принимающая дары от высокопоставленного человека – возможно, жреца, правителя или даже бога. Этот сосуд уже в древности считался ценным предметом искусства, так как его ремонтировали с помощью металлических зажимов. Второй шедевр – это выполненная почти в натуральную величину мраморная маска с лицом женщины. К сожалению, ее глаза не сохранились, но в лице отразилась смесь тонкого реализма и чувственности, редко встречающаяся в древнем искусстве до появления классической греческой скульптуры.

Прогресс в технике, достижения в сфере искусства, изобретение письменности – все это проявления полностью сформировавшейся цивилизации, которую без промедления можно назвать шумерской. Рожденная и вскормленная на юге Ирака, она охватила весь Ближний Восток и повлияла на все культуры Востока. Вполне возможно, что пока нерасшифрованное протоэламское письмо, также сохранившееся до нашего времени на глиняных табличках и появившееся примерно тогда же неподалеку от Элама (юго-запад Персии), сложилось под влиянием древнейшей шумерской письменности или было изобретено людьми, каким-то образом связанными с шумерами.

Однако сложнее понять, по каким каналам Месопотамия повлияла на Египет. В поздних доисторических погребениях Нагады были обнаружены месопотамские цилиндрические печати. Египтяне позаимствовали у своих ближневосточных соседей сам этот предмет, покрыв его собственными символами. У них не было глиняных табличек, по которым можно было прокатывать эти печати, поэтому их приходилось использовать в качестве амулетов. Более того, египетские скульпторы копировали столь любившиеся жителям Месопотамии изображения – львов, нападающих на скот, существ с длинными изогнутыми шеями, сцены охоты, а архитекторы, жившие в эпоху правления представителей I династии, строили гробницы, фасады которых напоминали принадлежащие месопотамским храмам. Некоторые исследователи даже считают, что шумерские пиктограммы предвосхитили древнейшие иероглифы и, возможно, вдохновили их создателей. Данное одностороннее влияние еще более примечательно, так как контакты между этими двумя средоточиями цивилизации на Ближнем Востоке в древности происходили крайне редко и были весьма поверхностными.

Как это ни странно, в самой Месопотамии шумерская цивилизация продолжала существовать только на юге. В нашем распоряжении имеются немногочисленные свидетельства о ее распространении в Мари, расположенном в среднем течении Евфрата, и профессор Маллоуэн в 1938–1939 гг. обнаружил в Телль-Браке, в бассейне реки Хабур, храм, весьма характерный для протописьменного периода, стоящий на платформе, который он назвал храмом Глаза, потому что в нем были найдены тысячи маленьких каменных идолов с вырезанными на них парами глаз. Однако Телль-Брак остается исключением. Возможно, он был своего рода колонией, где жили обитатели Южной Месопотамии, по тем или иным причинам решившие покинуть свой дом.

По каким-то непонятным причинам остальная часть Джазиры и долины Тигра на протяжении длительного времени не были затронуты прогрессом, происходившим в 20 км к югу. К примеру, на протяжении урукского и большей части протописьменного периода обитатели Тепе-Гавры в сражениях использовали булавы и пращи, продолжали применять

штамповые печати, изготавливали керамику вручную и не знали письменности. В то же время они ездили на колесницах и хоронили своих вождей с таким богатым погребальным инвентарем, которому не было аналогов на юге. Постепенно культуру Гавры сменила культура Ниневии (слой 5, как показало глубокое шурфование, проведенное в этом городе) с характерной для нее довольно красивой керамикой, сделанной на гончарном круге и украшенной расписным орнаментом или орнаментом в виде насечек, а также с шумерским оружием и печатями. Правда, к тому времени Шумер уже вошел в историю, но для того, чтобы на севере появились первые тексты, потребовался весь раннединастический период (2800–2400 до н. э.). Произошло это только после аккадского завоевания.

Разрыв, образовавшийся в конце 4-го тыс. до н. э. между севером и югом, на протяжении всей древней истории так и не был полностью преодолен. После аккадцев верхнее течение Тигра и предгорья Курдистана находились под властью представителей III династии Ура и правителя Вавилона Хаммурапи. При чтении их надписей создается впечатление, будто эти области считались инородными и не достигшими столь высокого уровня развития культуры. Конец политическому превосходству юга положили нападение хеттов на Вавилон в 1595 г. до н. э. и начавшийся после правления касситов продолжительный период, в течение которого у власти находились очень слабые цари. Север взял превосходство в свои руки, и цари Ашшура и Ниневии воцарились во всей Месопотамии. Но вавилоняне так и не смогли признать власть этих «варваров» и неоднократно пытались сбросить иго, в то время как сами могущественные правители Ассирии, собиравшие шумерские тексты и принимавшие участие в праздновании Нового года в Вавилоне, осознавали, чем они обязаны этой древней, освященной веками цивилизации.

Проблема шумеров

Кем были эти шумеры, название которых мы впервые можем здесь употребить и которые будут занимать историческую арену на протяжении нескольких последующих тысячелетий? Можно ли говорить, что именно они были древнейшим населением доисторической Месопотамии? Или они прибыли из какой-то другой местности, и если это действительно так, то когда и откуда они пришли? Эти важные вопросы снова и снова вставали перед учеными с тех пор, как были обнаружены первые артефакты, принадлежащие шумерской цивилизации, но ответ на них до сих пор так и не был найден. Последние открытия сделали его еще более сложным, но, по крайней мере, благодаря им у нас есть веские аргументы, в свете которых мы и будем освещать проблему шумеров.

Слово «шумеры» происходит от древнего названия южной части Ирака – Шумер, который в клинописных текстах, как правило, назывался Ки-эн-ги. В начале исторической эпохи с этим регионом тесно взаимодействовали представители трех этнических групп: шумеры, жившие на крайнем юге, начиная примерно с места, где впоследствии был построен Ниппур (рядом с Диванией), и заканчивая побережьем Персидского залива; семиты, преобладавшие в центральной части Месопотамии (после 2400 г. до н. э. этот регион стал называться Аккадом); и незначительное, рассредоточенное меньшинство неизвестного происхождения, которому невозможно дать название. По мнению современных исследователей, эти племена отличались друг от друга не с точки зрения политики или культуры, а по языку. Для всех них характерны одни и те же институты, образ жизни, технологии, художественные традиции, религиозные представления, иными словами, все составляющие цивилизации, сложившейся на крайнем юге и вполне справедливо приписываемой шумерам. Таким образом, единственным критерием, по которому можно идентифицировать эти племена и отличить их друг от друга, является язык. В узком смысле слово «шумеры» следует понимать как «люди, говорящие на шумерском языке». Соответственно, семиты – это те, кто использует семитский

язык. Мы ничего не знали бы о существовании третьей языковой группы, если в древних текстах не появлялись бы личные имена и топонимы, которые нельзя отнести ни к шумерскому, ни к семитскому языкам. Кстати, именно по этой причине провалились все попытки понять, как складывались отношения между шумерами и семитами в иных (помимо языковой) областях, и дать им оценку.

Следует прояснить еще один момент: ни с научной, ни с повседневной точки зрения нельзя говорить о существовании шумерской расы. Черепы, обнаруженные в шумерских погребениях, являются как долихо-, так и брахицефальными и содержат смешанные черты, характерные для арменоидного и средиземноморского антропологических типов, при некотором преобладании последнего. Внешность людей, изображенных на различных памятниках, во многом условна и, соответственно, не имеет для антропологов какой-либо ценности. Большой, мясистый нос, огромные глаза, толстая шея и плоский затылок – признаки, которые на протяжении долгого времени считались определяющими для отнесения того или иного индивида к племени шумеров, также встречаются на статуях людей с типично семитскими именами, найденных в Мари, подавляющее большинство населения которого составляли семиты, в то время как для более реалистичных изображений, например шумерского правителя Лагаша Гудеа, характерны короткий прямой нос и длинная голова.

Сами по себе языковые данные являются неплохим источником для определения отношений, сложившихся между различными этническими группами. Например, греки, хетты и индоарии, хотя и были рассредоточены по довольно обширной территории, связаны друг с другом, так как говорили на индоевропейских языках и, возможно, имеют общую прародину где-то в Юго-Восточной Европе. Однако в случае с шумерами языкознание не в силах нам помочь. Шумерский язык агглютинативный – грамматические формы и производные слов в нем образуются посредством добавления к корню или основе слова различных морфем (аффиксов). Он относится к той же категории, что и многочисленные диалекты, на которых говорят от Венгрии до Полинезии, хотя и не походит ни на один из известных нам языков – ни современных, ни мертвых. Судя по их литературе, шумеры были очень интеллектуальным, трудолюбивым и глубоко религиозным народом, любящим иногда поспорить, но она не содержит ключа к разгадке их происхождения. События, описанные в шумерских мифах и легендах, происходят на фоне рек и болот, зарослей тростника, тамариска и среди пальмовых деревьев. Такой пейзаж является типичным для юга Ирака, из-за чего создается впечатление, будто шумеры всегда жили в этой местности. Ничто в их наследии не говорит нам, что их прародина находилась где-то за пределами Месопотамии.

Таким образом, мы вынуждены полагаться на данные археологии, иными словами, на материальный аспект шумерской цивилизации. Но здесь встает еще один вопрос: какую из этнических групп, благодаря которым месопотамские протоисторические культуры развивались так успешно, можно отождествить с жившим в историческую эпоху населением, говорившим на шумерском языке? Изложенная таким образом, данная проблема не имеет решения, так как мы не знаем, на каких языках говорили жители Месопотамии до урукского периода. К ответу на этот вопрос можно прийти только путем значительного обобщения, благодаря интуиции. Или просто строить догадки. В целом ученых, пытавшихся найти его, можно разделить на две группы. Некоторые из них считают, что шумеры пришли в Месопотамию в урукский период; другие полагают, что они жили в этом регионе уже в убейдский период.

Нам не следует подробно останавливаться на описании приводимых ими доводов, но необходимо отметить, что мы склонны согласиться со сторонниками второй теории. Первые шумерская письменность действительно появилась в конце урукского периода, но это не значит, что прежде в Месопотамии не говорили на шумерском языке. Кроме того, в литературе Древней Месопотамии встречаются топонимы, не являющиеся ни шумерскими, ни

семитскими. Но значит ли это, что своим появлением они обязаны более древнему населению, жившему здесь в одиночку? Кто, как и в случае со сменой типа керамики, ознаменовавшей начало урукского периода, может с уверенностью говорить о том, что это явление было вызвано иноземным вторжением, произошло благодаря влиянию других племен или было всего лишь данью изменившейся местной моде? Во всем, за исключением керамики, урукская культура кажется преемницей существовавших в убейдский период. В частности, весьма примечательна неизменность религиозных представлений. Приведем лишь один из многочисленных примеров. Толстый слой рыбьих костей, покрывавший полы храмов убейдского времени, найденных в Эриду, позволяет нам с почти полной уверенностью говорить, что там уже поклонялись шумерскому богу воды Энлилю.

Можем ли мы заглянуть глубже в прошлое? Если опираться на данные, полученные в ходе изучения керамики, жители Месопотамии убейдского периода пришли туда из Ирана. Другие имеющиеся в нашем распоряжении данные свидетельствуют о том, что по крайней мере на севере Ирака они вели себя как завоеватели и навязывали свой образ жизни местному населению. С другой стороны, керамика, найденная в Эриду, позволяет предположить: первые обитатели юга страны каким-то образом были связаны с носителями как убейдской, так и распространенной на севере халафской культуры, словно они были различными ветвями одного и того же племени. Последние, в свою очередь, могут происходить от неолитических земледельцев из Хассуны и Джармо.

Таким образом, чем дальше в прошлое мы пытаемся заглянуть в поисках решения данной проблемы, тем сильнее она истончается и исчезает в глубинах веков. Некоторые даже не уверены, что эта проблема вообще существует. Как и все мы, шумеры были разными и, очевидно, являлись потомками различных племен. Как и наша, их цивилизация представляла собой смешение иноземных и местных элементов. Их язык принадлежит к достаточно обширной языковой группе, и можно искать его корни по всей Западной Азии и даже дальше. Соответственно, они могут относиться к ветви населения, занимавшего значительную часть Ближнего Востока в эпохи раннего неолита и халколита. Другими словами, вполне вероятно, что эти люди «всегда» присутствовали в Ираке. Это, пожалуй, все, что мы можем сказать. Как написал один из наиболее выдающихся востоковедов, «крайне спорная проблема происхождения шумеров вполне может превратиться в погоню за химерами».

Глава 6

Боги Шумера

Каким бы ни было происхождение шумеров, нет никаких сомнений в том, что сама их цивилизация уходит корнями в доисторическое прошлое самого Ирака. Она отражала настроения и стремления стабильного, консервативного общества земледельцев, которое всегда составляло костяк страны. По своему происхождению и сущности она была подлинно месопотамской. Именно по этой причине она пережила шумеров, которые прекратили свое существование как народ около 2000 г. до н. э. Ее адаптировали и с незначительными изменениями восприняли амореи, касситы, ассирийцы и халдеи, последовательно правившие в Месопотамии после шумеров. Таким образом, ассиро-вавилонская цивилизация, существовавшая во 2—1-м тыс. до н. э., несильно отличается от предшествовавшей ей. Под каким углом мы ни стали бы ее рассматривать, мы везде увидим шумерскую модель, на основе которой она сформировалась.

Это отчасти справедливо и для религии. На протяжении более чем трех тысячелетий богам Шумера поклонялись как сами шумеры, так и семиты. В течение этого же времени религиозные представления, созданные шумерами, играли крайне важную роль в общественной и личной жизни обитателей Месопотамии, влияя на формирование их институтов, произведения искусства и литературы, а также на жизнь всего населения, начиная с царя и заканчивая последним его подданным. Ни в одном другом древнем обществе религия не занимала столь важное место, так как только жители Месопотамии в огромной степени зависели от воли богов. Центром шумерского общества был храм, а само оно изначально являлось теократическим, что имело весьма масштабные и существовавшие на протяжении длительного времени последствия. Например, земля всегда считалась принадлежащей богам, и могущественные ассирийские правители, владения которых простирались от Нила до Каспийского моря, были смиренными слугами своего верховного бога Ашшура. То же относится и к царям Лагаша, правившим Шумером, площадь которого составляла всего несколько квадратных километров, и поклонявшимся богу Нингирсу. Конечно, это не значит, что в истории Древнего Ирака (как и любой другой страны) не играли ни малейшей роли хозяйство и человеческие страсти. Однако нам не следует ни забывать о религиозных мотивах, ни приуменьшать их значение. Для того чтобы перейти к рассказу об исторической эпохе, который мы вскоре начнем, нам следует вкратце охарактеризовать шумерский пантеон и религиозные представления.

Шумерский пантеон

Мы черпаем знания о религиозных и морально-этических представлениях жителей Древней Месопотамии из множества письменных источников: эпоса, мифов, описаний ритуалов, гимнов, молитв, заклинаний, списков богов, собраний наставлений, пословиц и т. д., которые происходят в основном из трех различных мест: библиотеки ниппурских жрецов (Ниппур был религиозным центром Шумера), а также дворцовой и храмовой библиотек в Ашшуре и Ниневии. Некоторые из этих текстов написаны на шумерском, другие, как правило, представляют собой ассирийские или вавилонские списки с шумерских оригиналов или их адаптации, а в некоторых случаях у них нет аналогов среди известных нам произведений шумерской литературы. Эти источники были написаны в промежуток времени между концом 3-м тыс. до н. э. и последними столетиями до рождения Христа, но мы вполне обос-

нованно можем утверждать, что в них отразилась устная традиция, восходящая к раннединастическому периоду (около 2800—

2400 гг. до н. э.), а возможно, и к более ранним временам, так как изображения некоторых божеств и мифологических сцен присутствуют на цилиндрических печатях и предметах мелкой пластики, относящихся к урукскому и протописменному периодам. В нашем распоряжении нет источников, которые могли бы пролить свет на ситуацию, сложившуюся в более ранние периоды, но непрерывавшаяся преемственность традиций в архитектуре, строительство новых храмов над старыми на том же священном участке свидетельствуют о том, что по крайней мере некоторым шумерским богам поклонялись на юге Ирака уже в убейдский период.

В ходе постепенного развития цивилизации в Месопотамии появилась категория людей, занимавшихся решением проблем, связанных с происхождением мира, добром и злом, смертью и загробной жизнью. Образование религиозных идей и их облечение в форму мифов, несомненно, происходили крайне медленно, а занимались этим одновременно несколько жреческих «школ». Однако каким-то образом в итоге была достигнута договоренность и сформулированы общие принципы, и, в то время как в каждом городе были свои бог-покровитель и набор местных легенд, жители всей страны поклонялись богам из одного пантеона. Сообщество богов было организовано по тому же принципу, что и людское. Небеса были населены сотнями крайне могущественных человекоподобных существ, и каждый из этих богов выполнял определенную функцию или «заведовал» конкретной сферой жизни. Например, один из них отвечал за небо, другой – за воздух, а третий – за воду и т. д., вплоть до самых скромных покровителей плугов, кирпичей и киркомотыг. Выражение «отвечал за» на самом деле является не совсем точным, так как шумеры верили: у каждого элемента или категории предметов есть некое подобие личности, набор качеств, собственная «воля». Боги олицетворяли именно эти силы, неотъемлемо свойственные природе. Эти боги, подобно греческим, имели вполне определенный внешний облик и все качества и недостатки, характерные для людей. Будучи очень умными, они иногда исчерпывали свои запасы идей; в целом справедливые, они также были способны на злые мысли и поступки; подверженные любви, ненависти, гневу, ревности и всем прочим человеческим страстям, боги ели, пили и бывали пьяны; они ссорились и сражались друг против друга, страдали, могли получить ранения или даже умереть, то есть продолжить свое существование в загробном мире. Если говорить вкратце, то они олицетворяют собой все лучшие и худшие человеческие качества, но на сверхъестественном уровне.

Боги Месопотамии обладали разным статусом. Многие из них были лишь незначительными божествами, имевшими в лучшем случае лишь небольшое святилище на углу улицы. Других, таких как Шара и Забаба, боги-покровители Уммы и Киша соответственно, считали великими только в «подведомственных» им городах-государствах, подобно тому как правители обладают могуществом только в рамках своих владений. Третьи, хотя и особо почитались в определенных городах, благодаря своей природе были объектами всеобщего поклонения. К их числу, например, относились бог луны Нанна, которого семиты называли Сином, покровитель Ура, а также его сын Уту (семитский Шамаш), бог Ларсы и Сиппара. Оба они рассеивали тьму, то есть обладали качеством, важным для каждого человека. При этом, в то время как бог луны заглядывал в темное будущее и «знал судьбы всех», бог солнца «отделял праведных от порочных», так как наполнял землю слепящим светом. К той же категории относились бог-воин Нинурта, «богиня-мать» Нинхурсаг и могущественная богиня любви и плодородия Инанна, более широко известная под своим семитским именем – Иштар, со своим супругом Думузи.

Думузи (Таммуз семитов) заслуживает отдельного упоминания, так как на протяжении долгого времени считалось, будто он был богом растительности, умиравшим и воскресав-

шим каждый год, что символизировало исчезновение травы и зерна летом и их последующее появление весной. Это предположение основывалось на группе вавилонских текстов, известных как «плачи о Таммузе», в которых в стихотворной форме оплакивается смерть бога, на неверной трактовке шумерско-аккадского мифа о нисхождении Инанны (Иштар) в загробный мир и содержащихся в поздних источниках сведениях о культе Адониса-Таммуза, распространенном среди финикийцев в конце 1-го тыс. до н. э. Однако позднее благодаря более верному прочтению шумерского эпоса и тщательному повторному изучению всех имеющихся в нашем распоряжении источников такие выдающиеся исследователи, как Крамер, Якобсен и Фалькенштайн, пришли к выводу, что Думузи не был воскресающим богом, что Инанна не выпускала его из загробного мира и что он был приведен туда силой, должен был занять ее место и не возвращаться домой. Таким образом, очевидно, что по крайней мере в данном случае следует отказаться от идеи об умирающем и воскресающем боге, столь дорогой сердцам некоторых историков религии. Однако нельзя отрицать, что Думузи, в котором следует видеть исключительно хтоническое божество, был тесно связан с растительностью, мелким и крупным рогатым скотом, а его союз с богиней любви можно считать типичным элементом культа плодородия, существовавшего у всех жителей Ближнего Востока с эпохи неолита.

При этом следует обратить внимание: в Шумере за производительные силы природы «отвечала» не одна божественная чета. То, что делали Инанна и Думузи для Урука, своей основной резиденции, иные боги (не обязательно обладавшие ярко выраженными земледельческими или сексуальными функциями) могли совершать для других городов. Считалось, что каждый город-государство должен самостоятельно обеспечить плодородие своих полей, плодovitость женщин и скота с помощью священного брака между его богом-покровителем и одной из почитаемых в нем богинь. Эта свадьба, отмечавшаяся раз в год весной, была центральным событием празднования Нового года, который подробно будет описан ниже.

Наконец следует упомянуть трех наиболее могущественных богов шумерского пантеона – Ана, Энлиля и Энки.

Ан (Ану или Анум на аккадском) олицетворял всепоглощающую мощь небес, в честь которых он был назван, и возглавлял шумерский пантеон. Изначально этот бог, главный храм которого находился в Уруке, был самым могущественным во вселенной, прародителем и правителем всех остальных божеств. Подобно отцу, он разрешал их конфликты, и его решения, как и принятые царем, не оспаривались. При этом по крайней мере в классической шумерской мифологии Ан не играл важной роли в земных делах и бездейственно оставался на небе, будучи величественным, но довольно бледным персонажем.

В какой-то неизвестный период и по непонятной нам причине Энлиль, бог Ниппура, стал занимать доминирующее положение и в определенном смысле превратился в божественного покровителя всего Шумера. Намного позже ему пришлось уступить это место до того времени малоизвестному богу – покровителю Вавилона Мардуку. Однако Энлиля, несомненно, в меньшей степени можно назвать узурпатором, чем Мардука. Его имя буквально переводится как «Владыка-ветер», что, помимо всего прочего, подразумевает безграничность, движение и жизнь (дыхание). Энлиль вполне справедливо может претендовать на звание «небесной силы», отделившей землю от неба и таким образом создавшей мир. Теологи Ниппура сделали его также владыкой людей, царем царей. Ан все еще обладал царскими регалиями, но именно Энлиль избирал царей Шумера и Аккада и «возлагал на их головы священную корону». И, подобно хорошему правителю, сохраняющему порядок в своем царстве, бог воздуха мог удержать мир одним своим словом:

Без Энлиля, «Великой Горы»,

Не было бы возведено ни одного города, не было бы заложено
ни одного селения,
Не было бы построено ни одного хлева, не было бы устроено
ни одного загона,
Не возвысился бы ни один царь, не родился бы ни один
верховный жрец;
Ни один жрец «мах» и ни одна верховная жрица не были бы
избраны гаданием по внутренностям овцы.
У работников не было бы ни зрителя, ни надсмотрщика...
Реки в паводок не разливались бы,
Рыбы морские не метали бы икру в зарослях тростника,
Птицы небесные не вили бы гнезд на земных просторах,
В небе летучие облака не отдавали бы свою влагу...

Личность третьего великого бога гораздо более загадочная и сложная. Дословно имя Энки можно перевести как «Владыка-земля». Однако, возможно, потому, что земля без воды не может приносить плодов, этот бог вскоре стал покровителем пресных вод, текущих в реках и каналах, тех, которые поднимаются из глубин в источниках и колодцах и приносят жизнь в Месопотамскую дельту. Семиты называли его Эа. Это шумерское слово можно перевести как «Дом (или Храм) вод». Энки обладал всеми качествами, характерными для живительной влаги: вездесущностью, прозрачностью, очищающими свойствами и функцией источника плодородия, но также, судя по легенде об Адапе, обманчивой подвижностью и вероломным обаянием. Эа-Энки, покровитель Эриду, помимо всего прочего, был богом ума и мудрости, «широкоухим, который знает все, что имеет имя». Он считался создателем и защитником искусства и ремесла, науки и литературы, покровителем магов, Великим учителем и Великим надзирателем, который, упорядочив мир, созданный Энлилем, отвечал за его правильное функционирование:

Я «большой брат» богов, тот, кто приносит полный достаток.
Я хранитель анналов небес и земли,
Я слух и разум всех земель...

В Шумере было много других богов, игравших довольно важные роли. Некоторые из них будут упоминаться в последующих главах, но самыми могущественными из всех них были Ан, Энлиль и Энки. Они правили миром благодаря авторитету, силе и мудрости и составляли верховную триаду, отвечавшую не только за постоянное функционирование космоса, но и, как будет сказано ниже, за его создание.

Сотворение мира

Жители Месопотамии представляли землю в виде плоского диска, окруженного горным хребтом и плавающего в пресном океане, *абзу* или *ансу*. На этих горах покоился небесный свод, отделенный от земли атмосферой (*лиль*), по которому вращались космические тела. Под землей располагалась такая же полусфера, где находился загробный мир, населенный духами умерших. Наконец, вся вселенная (*анки* – «небо-земля»), подобно гигантскому пузырю, плавала в соленых водах безграничного, никем не созданного первозданного океана. На самой земле располагались Месопотамия и соседние регионы. По мнению вавилонян, в ее центре стоял Вавилон, а шумеры, возможно, локализовали там Ниппур.

Каким образом и кем был создан мир? На этот вопрос давались различные ответы, вероятно зависевшие от того, сторонником какой традиции был составитель того или иного текста. Согласно одной легенде, Ану создал небо, а Энки – *ансу*, свое обиталище. В другом мифе говорится, что мир был сотворен собранием всех богов (по иной версии, в акте творения приняли участие только четыре наиболее могущественных божества). В первых строках заклинания против «червя», вызывающего зубные боли, сказано, что Ану сотворил небо, создавшее землю, которая, в свою очередь, породила реки, а те – каналы, создавшие болота, несущие ответственность за появление «червя». Однако эти строки очень похожи на детский стишок «Дом, который построил Джек», и их не следует воспринимать слишком серьезно.

Большой интерес представляет версия этого мифа, созданная в Сиппаре, согласно которой могущественный вавилонский бог Мардук соорудил платформу (или плот) на поверхности воды. Затем он создал пыль и рассыпал ее вокруг платформы. Именно таким образом арабы, живущие на болотах Южного Ирака, создают искусственные острова, на которых затем строят свои тростниковые хижины.

В целом шумеры верили, что первобытный океан, олицетворением которого была богиня Намму, самостоятельно породил небо мужского пола и землю – женского, вступивших друг с другом в связь. Плод их союза, бог воздуха Энлиль, отделил небо от земли и вместе с ней породил всех живых существ.

Мнение о том, что именно океан стал тем изначальным элементом, из которого появилась вселенная, и что свою форму она приобрела из-за того, что некая внешняя сила отделила небо от земли, в целом разделяли жители и Шумера, и Вавилонии, и Ассирии. На нем основан наиболее полный и целостный из имеющихся в нашем распоряжении рассказов о сотворении мира – выдающийся вавилонский эпос «Энума элиш», получивший название по своему первому предложению («Когда вверху...»). Но вавилонская версия мифа о происхождении мира имеет более глубокий философский подтекст. Согласно этой космогонии, творение было не началом, а концом, не беспричинным и необъяснимым деянием одного божества, а результатом вселенской битвы, непреложной и вечной борьбы между двумя противоположностями – добром и злом, порядком и хаосом.

«Энума элиш» – длинный эпос, записанный на семи табличках и изначально сочиненный в старовавилонский период (начало 2-го тыс. до н. э.), хотя все найденные к настоящему времени списки были сделаны на протяжении 1-го тыс. до н. э. В большинстве списков основную роль играет Мардук, бог – покровитель Вавилона, но в ассирийском варианте его имя заменено на принадлежащее Ашшуру. С другой стороны, в одном из фрагментов поэмы Мардук назван «Энлилем богов». Как нам известно, он «присвоил» положение и привилегии шумерского бога Энлиля. Соответственно, можно предположить, что изначально в этом эпосе говорилось об Энлиле, что вполне согласуется с упомянутой выше шумерской космогонией.

Месопотамские мифографы черпали вдохновение в собственной стране. Что мы увидим, встав туманным утром у современного иракского побережья, в устье Шатт-эль-Араб? Низко над горизонтом нависают облака; обильный поток пресной воды вытекает из-под земли, или, оставшаяся после разлива, она свободно смешивается с солеными водами Персидского залива; низкие илистые отмели, которые обычно образуют местный ландшафт, просматриваются только на несколько метров. Все вокруг: небо, море, земля – смешивается в туманном, бесцветном хаосе. Именно так создатели эпоса, нередко видевшие подобную картину, представляли себе начало мира. Когда еще ни у чего не было названия, то есть когда ничего не было создано, писали они, Апсу (пресные воды), Тиамат (соленая вода) и Мумму (облака) были беспорядочным, но единым целым:

Когда вверху не названо небо,

А суша внизу была безымянна,
Апсу первородный, всесотворитель,
Праматерь Тиамат, что все породила.
Воды свои воедино мешали,
Тростниковых загонов тогда еще не было,
Когда из богов никого еще не было,
Ничто не названо, судьбой не отмечено,
Тогда в недрах зародились боги...²

Когда поднимается солнце, описанный выше пейзаж меняется – из тумана появляются обширные участки земли, и вскоре становится видна четкая линия, отделяющая небо от воды, а ее – от земли. Согласно мифу, первыми из хаоса появились боги Лахму и Лахаму, олицетворяющие ил, затем – Аншар и Китар – горизонты неба и земли. Они породили Ану, а тот, в свою очередь, Эа (Энки). В то же время или вскоре после этого Апсу и Тиамат породили ряд менее значимых божеств, но о них в эпосе не сказано ничего, кроме того, что они были веселыми, буйными и шумными. Они «колебали чрево Тиамат» и настолько сильно досаждали своим родителям, что те решили уничтожить их.

Узнав об этом, могущественные боги Лахму и Лахаму, Аншар и Китар, Ану и Эа были шокированы и изумлены, «безмолвно сидели», несомненно думая, что изобилие жизни предпочтительнее, чем бесплодный беспорядок. Однако «всеведущий Эа» вскоре придумал, как сделать так, чтобы это злодеяние сорвалось. «Он создал образ, завершил и закончил», наложил на Мумму заклятие, парализовавшее его. Так же поступили и с Апсу – его усыпили и убили. Одержав эту победу, Эа удалился в свой храм, появившийся в глубинах пресных вод (*апсу*), и вместе со своей супругой Дамкиной зачал сына Мардука, обладавшего поистине выдающимися качествами:

Немыслимо облик его совершенен —
Трудно понять, невозможно представить.
Четыре глаза, четыре уха!
Он рот раскроет – изо рта его пламя!
Он вчетырежды слышит мудрейшим слухом,
И всевидящи очи – все прозревают!
Средь богов высочайший, прекраснейший станом,
Мышцами мощен, ростом всех выше!

Тем временем Тиамат была жива и свободна. Охваченная гневом, она объявила богам войну. Она породила свирепых драконов и ужасных змей:

Остры их зубы, их клыки беспощадны!
Она ядом, как кровью, их тела наплатала,
В ужас драконов свирепых одела...

Во главе этой ужасной армии Тиамат поставила своего сына Кингу. Боги были в ужасе. Аншар в горе «бьет свои чресла и кусает губы» и заявляет, что Кингу нужно предать смерти. Но кто сможет сделать это? Один за другим боги отказываются сражаться. Наконец Мардук соглашается, но ставит условие – он хочет стать их царем. «Соберите Совет, возвысьте мой

² Текст поэмы «Энума элиш» приводится по изданию: *Я открою тебе сокровенное слово...* Литература Вавилонии и Ассирии. М.: Художественная литература, 1981. (Примеч. пер.)

жребий, – говорит он. – Мое Слово, как ваше, да решает судьбы...» У богов не было другого выхода, и им пришлось согласиться. Они собрались на пиру и, слегка опьяненные, наделили Мардука царской властью и регалиями. Тот выбрал себе оружие – лук, молнию, бурю, четыре ветра и сеть. Он сел на свою штормовую колесницу и отправился на бой с силами хаоса. Увидев Мардука, войско чудовищ разбежалось. Их предводитель Кингу был пойман. Что касается Тиамат, то Мардук поймал ее с помощью сети и, как только она открыла рот, вдул все четыре ветра ей в живот. Затем он проткнул ее сердце стрелой, разбил череп булавой и наконец раскрыл ее тело, как моллюска. Половину тела Тиамат он поднял и сделал небом, а другую опустил и превратил в землю.

Одержав победу, Мардук упорядочил мир. Установив на новом небе движение солнца, луны и звезд, он решил создать человечество:

Кровь соберу я, скреплю костями,
Создам существо, назову человеком.
Воистину я сотворю человеков.
Пусть богам послужат, чтоб те отдохнули!

По совету Эа Кингу умертвили, и именно из его крови Мардук вместе со своим отцом создал первого человека. Затем он разделил богов на две категории: триста из них должны были жить на небе, а еще триста – на земле бок о бок с человечеством. В качестве награды за победу боги построили Мардуку в Вавилоне величественный храм, Эсагилу, и, собравшись на другом пиру, назвали его пятьдесят имен.

Какой бы наивной ни казалась эта история, вавилоняне придавали ей огромное значение, так как она давала их глубоко религиозному сознанию хотя и не рациональное, но все же приемлемое объяснение происхождения и построения вселенной. Помимо всего прочего, в ней объяснялись то, каким образом мир приобрел свой облик, природная слабость людей, созданных из крови злого Кингу, и огромная власть Мардука (изначально Энлиля), совершившего столь героическое деяние, а также приводилась причина, по которой люди должны служить богам. К тому же, помимо всего прочего, подобно священному браку, эта легенда имела огромную магическую силу. Каждый год на протяжении почти двух тысячелетий вавилонские жрецы читали «Энума элиш» вслух на четвертый день празднования Нового года, так как вавилоняне считали, будто описанная в ней битва не заканчивалась и что силы хаоса всегда готовы бросить вызов созданному богами порядку.

Жизнь, смерть и судьба

Торговля между людьми и богами, как и между самими людьми, имела свои рамки. Если царь напрямую выполнял приказы Мардука, то вавилонские крестьяне находились в более близких отношениях с богиней ячменя Ашнан или богом скота Шакканом, чем с Ану или Энлилем. Кроме того, в месопотамском пантеоне было достаточно божеств для того, чтобы покровительствовать важным событиям в жизни людей. В случае необходимости можно было призвать покровительницу рожениц Гулу или защитника путешественников Пасагу и сделать им подношение финиками. Если случалась беда, люди обращались к более могущественным богам через жрецов или с помощью своего личного бога-покровителя, который, как считалось, подобно ангелу-хранителю, стоит за спиной каждого мужчины или женщины.

Шумеры, вавилоняне и ассирийцы относились к богам так же, как слуги – к хорошим хозяевам, – с покорностью и страхом, но в то же время с восхищением и любовью. Одним из лучших качеств как царя, так и простого общинника считалась способность подчиниться

божественным приказам, так как служение богам было их основной обязанностью. В то время как проведением различных торжеств и сложных ритуалов занимались жрецы, каждый житель должен был передавать в храмы подношения, посещать основные религиозные церемонии, заботиться об умерших, каяться и соблюдать бесчисленное множество правил и табу, имевших отношение практически к каждому моменту жизни. Здравомыслящий человек «боялся богов» и скрупулезно следовал этим предписаниям. Поступать иначе считалось не только глупым, но и грешным делом, а грех, как все знали, мог повлечь за собой самую ужасную кару. Однако считать, будто месопотамская религия – это нечто исключительно формальное, совершенно неправильно. В текстах гимнов и молитв отразились искренние чувства и подлинные эмоции. Жители Месопотамии были уверены в своих богах, доверяли им, подобно тому как дети верят родителям, говорили с ними, называя «настоящими отцами и матерями», которые могут обидеться и наказать, но в то же время которых можно умилостивить и получить от них прощение.

Месопотамские боги требовали от верующих не только соблюдения религиозных предписаний, совершения подношений и жертвоприношений. «Сделать так, чтобы их сердца блистали от возлияния», заставить их «кликать при виде прекрасной пищи» считалось делом достойным, но этого не было достаточно. Боги благоволили к тем, кто вел праведную жизнь, был хорошим родителем, сыном, соседом, горожанином и кому не были чужды такие же добродетели, как те, что ценятся сегодня: доброта и сострадание, праведность и чистосердечие, справедливость, уважение к закону и существующему порядку. В одном из вавилонских текстов, помимо совета поклоняться богам, содержатся следующие:

Будь добр к ничтожным,
Не оскорбляй попранных,
Совершай щедрые поступки, оказывай помощь каждый день,
Не клевети, передавай лишь благие новости,
Не произноси дурного, говори людям хорошее.

В качестве вознаграждения за благочестивость и хорошее поведение боги помогали людям и защищали их от опасности, утешали в беде и при тяжелых утратах, даровали им здоровье, хорошее положение в обществе, богатство, многочисленных детей, долгую жизнь и счастье. Конечно, с христианской точки зрения такой подход не кажется таким уж выдающимся, но шумерам и вавилонянам этого было достаточно, так как они являлись практичными, довольно приземленными людьми, помимо всего прочего, любившими жизнь и наслаждавшимися ею. Самой желанной их мечтой была вечная жизнь, и в некоторых их мифах (в частности, об Адапе и в «Эпосе о Гильгамеше») содержится объяснение причин, по которым люди лишились этой привилегии.

Бессмертными были только боги. Для людей смерть была неизбежна, и они вынуждены были принять это:

Только боги с Солнцем пребудут вечно,
А человек – сочтены его годы,
Что б он ни делал, – все ветер³.

Что происходило после смерти? Судя по обнаруженным археологами тысячам захоронений с погребальным инвентарем, обитатели Месопотамии считали, что умершие могут

³ Здесь и далее перевод «Эпоса о Гильгамеше» цитируется по изданию: *Библиотека Всемирной литературы*. Т. 1. Поэзия и проза Древнего Востока. М.: Художественная литература, 1973. (Примеч. пер.)

взять с собой в загробную жизнь самое ценное из своего имущества и получать от живых питье и пищу. Но сведения о месопотамской эсхатологии, которые мы можем извлечь из мифа о нисхождении Инанны в загробный мир или шумерского цикла о Гильгамеше, немногочисленны и нередко противоречат друг другу. «Страну, откуда нет возврата» представляли в виде обширного пространства, находящегося где-то под землей. Там стоял огромный дворец Эрешкигаль, шумерской Персефоны, и ее супруга Нергала, бога войн и эпидемий, окруженных другими божествами и стражами. Как и в греческом Аиде, чтобы достичь этого дворца, души умерших должны были перебраться через реку на пароме и снять с себя одежду. Затем они вели тоскливую и жалкую жизнь в месте,

Где их пища – прах и еда их – глина,
А одеты, как птицы, – одеждою крыльев,
И света не видят, но во тьме обитают,
А засовы и двери покрыты пылью.

В то же время из других источников мы узнаем, что солнце освещает загробный мир, когда обходит землю кругом и что бог Уту судит умерших, а значит, очевидно, не все они разделяли столь жестокую судьбу. Вероятно, шумерские представления об аде были не менее туманны, чем наши, а значительная часть этих литературных произведений представляет собой набор поэтических рассуждений на довольно расплывчатую тему.

Однако смерть не была единственной заботой жителей Месопотамии. Как и мы, они знали болезни, бедность, крах надежд и печаль и, подобно нам, спрашивали себя: почему все это происходит, если миром правят боги? Почему зло побеждает добро? Сплетенная вокруг человека сеть правил и запретов была настолько тесной, что ему проще всего было грешить и оскорблять богов. Бывали случаи, когда каре подвергались люди, чье поведение было безукоризненным, когда невозможно было найти объяснение поведению богов. В вавилонской поэме «Владыку мудрости хочу восславить...» («Невинный страдалец») говорится о чувствах человека, некогда бывшего знатным, богатым и здоровым, а теперь разорившегося, ненавидимого всеми и страдающего от самых ужасных болезней. В итоге Мардук сжалился над ним и спас его, но тот, несомненно, успел усомниться в мудрости Небес. Охваченный горем, он произносит:

Кто же волю богов в небесах постигнет?
Мира подземного кто угадает законы?
Бога пути познает ли смертный?
Кто был жив вчера, умирает сегодня,
Кто вчера дрожал, сегодня весел.
Одно мгновение он поет и ликует,
Оно прошло – он горько рыдает!
Как день и ночь, их меняются лики:
Когда голодны, лежат, как трупы,
Наелись – равняют себя с богами!
В счастья мнят себя на небе,
Чуть беда, – опустился и мир подземный.
Вот что воистину непостижимо⁴.

⁴ Перевод В.К. Афанасьевой. (Примеч. пер.)

Однако знаменитый месопотамский «пессимизм» был чем-то большим, чем периодическими выплесками разочарования. Он обладал метафизической, а не этической природой и уходил корнями в природные условия самой Месопотамии. В долине Тигра и Евфрата происходят резкие и непредсказуемые перемены. Реки, дающие жизнь, могли принести с собой и катастрофу. Зимы могли быть слишком холодными или засушливыми, а летом мог дуть слишком сильный ветер. Ливень в мгновение ока мог превратить опаленную солнцем и покрытую пылью равнину в грязевое море, а в ясный денек могла внезапно налететь песчаная буря, заслоняющая небо и опустошающая все вокруг.

Вынужденные постоянно сталкиваться с этими проявлениями божественных сил, жители Месопотамии чувствовали себя сбитыми с толку и беспомощными, были охвачены ужасом и тревогой. По их мнению, все могло в любой момент измениться. Собственная жизнь каждого человека, жизнь членов его семьи, урожай, который давали его поля, приплод скота, ритм и обилие разливов рек, смена сезонов и само существование вселенной постоянно находились под угрозой. То, что космос не вернулся в состояние хаоса, более или менее поддерживался миропорядок, человечество выжило, после удушающей летней жары жизнь снова возвращалась на поля, солнце, луна и звезды продолжали двигаться по небу, считалось проявлением воли богов. Но божественное решение не принималось раз и навсегда при создании той или иной вещи. Его нужно было повторять снова и снова, особенно при смене года, перед началом ужасного восточного лета, когда природа, казалось бы, умирает и будущее покрыто пеленой неизвестности.

Человек в этой критической ситуации мог только пытаться повлиять на решение богов и обеспечить их доброе расположение, совершая не изменявшиеся на протяжении многих столетий ритуалы, обеспечивавшие сохранение порядка, возрождение природы и постоянство жизни. Поэтому каждую весну во многих городах, особенно в Вавилоне, устраивали величественную и трогательную церемонию – *акиту*, празднование Нового года, во время которого совершался священный брак богов, повторялись события мифа о сотворении мира и происходило ежегодное утверждение власти царя. Кульминацией этого праздника было собрание всех богов, торжественно «повелевавших судьбами». Только после этого царь мог вернуться на трон, пастух – к своему стаду, а крестьянин – на поле. Жители Месопотамии успокаивались, веря, что мир простоит еще год.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.